

A detailed science fiction illustration of a futuristic space station with multiple circular platforms and a central tower, floating in space. In the background, a large, cratered planet (Mars) is visible against a bright sun. Several smaller spacecraft are seen in the distance. The foreground shows a desolate, hilly landscape under a hazy sky.

ДЕРДЕЙН

БРАВАЯ ВОЛЬНИЦА

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Дердейн: Бравая вольница

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Дердейн: Бравая вольница / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536264-3

Книга 2. Страной Шант на планете Дердейн анонимно правит диктатор Аноме, так называемый «Человек Без Лица». Теперь место Аноме занял молодой Гастель Этцвейн, пытающийся защитить свое отечество от смертельной угрозы. Орды меднокожих рогушкочевцев заполонили страну. За многие века всеобщего мира, навязанного тиранией предшественников Этцвейна, население Шанта разучилось воевать. Гастель вынужден возродить былые навыки для того, чтобы сколотить армию Шанта — армию свободных людей.

ISBN 978-5-00-536264-3

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дердейн: Бравая вольница

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2021

© Александр Фет, перевод, 2021

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-6264-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

¹Высоко на мансарде гостиницы «Фонтеней» Этцвейн вертелся с боку на бок – сегодня он плохо спал. В конце концов пришлось встать и подойти к окну. Звезды уже бледнели в фиолетовом зареве рассвета. Кое-где на далеких склонах Ушкаделя искрились редкие зеленые уличные фонари, в дворцах эстетов было темно.

«В одном из темных дворцов, – думал Этцвейн, – Человеку Без Лица тоже не спится».

Отвернувшись, он направился к рукомойнику. Перед ним явился призрак – незнакомый в рассветных сумерках, порожденный тенями в закопченном стекле зеркала. Этцвейн присмотрелся. Фантастическое, даже пугающее видение вполне могло отражать его истинную натуру – сардонически кривящийся рот, впалые щеки, свинцовый налет на землистой коже, глаза: черные провалы с тусклыми блестками в глубине. Вот он, во всей красе, Гастель Этцвейн – сначала чистый отрок в храме хилитов, потом нищий оркестрант «Розово-черно-лазурно-глубокозеленой банды», а ныне – обладатель чудовищной власти! Этцвейн назидательно обратился к призраку: «Сегодня произойдут знаменательные события – сегодня Гастель Этцвейн может поплатиться жизнью». Двойник в зазеркалье не внушал уверенности в обратном.

Этцвейн оделся, спустился по лестнице и вышел на улицу. У ларька на набережной он закусил жареной рыбой с хлебом, размышляя о перспективах предстоящего дня.

В принципе задача была предельно проста. Следовало явиться во дворец Сершанов и заставить Саджарано – Аноме, верховного правителя Шанта – выполнить определенные требования. При первых признаках неповиновения Этцвейну достаточно было нажать кнопку, чтобы оторвать Саджарано голову – ибо теперь Саджарано носил ошейник, тогда как Этцвейн ошейника не носил. Желаемый результат достигался грубым принуждением – если Саджарано не догадается, что Этцвейн действует в одиночку, без друзей и сообщников, в каковом случае положение Этцвейна становилось опасным.

После завтрака Этцвейна ничто не задерживало. Он отправился вверх по проспекту Галиаса. «Саджарано, – думал Этцвейн, – отчаянно пытается найти выход из невыносимой ситуации. Что, например, я мог бы сделать на его месте? Бежать?» Этцвейн сразу остановился. Об этой возможности он не подумал. Из поясной сумки он вынул кодирующий передатчик, в свое время служивший Человеку Без Лица основным средством наказания преступников, и набрал цветовой код ошейника Саджарано. Теперь достаточно было прикоснуться к желтой кнопке, чтобы голова правителя слетела с плеч. Этцвейн нажал красную кнопку поиска. Передатчик тихо загудел – громкость звука изменялась в зависимости от направления. Громче всего металлическая коробка гудела, когда Этцвейн направлял ее в сторону дворца Сершанов. Опустив голову, Этцвейн пошел дальше. Саджарано не сбежал. Следовательно, он мог устроить западню.

Проспект Галиаса выходил на Мармионскую площадь, где фонтан расплескивал молочно-белые воды по изваяниям из лилового стекла. Напротив поднимались к террасам Ушкаделя ступени каскада Коронахе, сооруженного царем Каспаром Пандамоном. Добравшись до Среднего яруса, Этцвейн повернул на восток по дороге, огибавшей склоны крутых холмов. Над ним высился призматический дворец Ксиаллинен – здесь жила Джурджина, «благотворительница» Человека Без Лица. Многим тайнам Этцвейн не мог найти объяснения, и среди них одна смущала его явным противоречием: почему скрытный Саджарано назначил исполнительницей приговоров и шпионкой соблазнительную красавицу, привлекавшую всеобщее внимание?

---

¹ ДЕРДЕЙН, КНИГА II, БРАВАЯ ВОЛЬНИЦА Durdane. The Brave Free Men Copyright © 1972 by Jack Vance Published by agreement with the author and the author's estate <http://feht.com/essaysetc/jackvanceinrussian.html>

По мнению Этцвейна, загадка могла объясняться просто. Аноме, как любой другой мужчина, мог испытывать муки любви. Возможно, Джурджина Ксиаллинен холодно отнеслась к ухаживаниям Саджарано, не отличавшегося ни атлетическими достоинствами, ни отвагой, ни впечатляющими достижениями. Скорее всего, она сама недоумевала: почему Человек Без Лица приказал ей служить и, вдобавок, запретил иметь любовников? Анонимный правитель рассчитывал рано или поздно поручить Джурджине дело, требовавшее проявления благосклонности к Саджарано Сершану – такова, по крайней мере, была гипотеза Этцвейна.

Он приблизился ко дворцу Сершанов – не роскошнее и не беднее прочих обитателей ушкадельских аристократов. Задержавшись, Этцвейн еще раз подверг тщательному анализу известные обстоятельства. Следующие полчаса определяют будущее Шанта. Каждая минута теперь имела больше значения, чем все скоротечные дни обычной человеческой жизни. Подняв голову, Этцвейн смотрел на фасад Сершанского дворца. Хрустальные колонны, прозрачнее и светлее воздуха, радужно расщепляли лучи трех солнц, фиолетовые и зеленые стеклянные купола защищали от дождя и ветра просторные залы, где жили, праздновали и умирали шестьдесят поколений Сершанов.

Этцвейн двинулся вперед по крытой сводчатой галерее, прошел к портику парадного крыльца. Ему преградили путь шесть пятиметровых дверей из полупрозрачного стекла толщиной в три пальца. За ними – никакого движения, никаких отсветов. Этцвейн не знал, что делать дальше, почувствовал себя глупо и, естественно, разозлился. Он постучал по стеклу. Костяшки пальцев не производили должного эффекта. Этцвейн стал колотить дверь кулаком. Вскоре из-за угла длинного фасада на садовой дорожке появился человек – Саджарано собственной персоной.

«Это церемониальные двери, – подойдя, мягко сказал правитель Шанта. – Их редко открывают. Если не возражаете, мы могли бы войти там, где ходят все, в том числе я».

В угрюмом молчании Этцвейн последовал за хозяином дворца к боковому крыльцу. Саджарано жестом пригласил его зайти. Этцвейн не торопился, пытаясь заметить на лице Аноме признаки подвоха. Саджарано отвечал блуждающей улыбкой – как если бы настороженность Этцвейна его слегка забавляла. Опустив руку в карман и приготовившись нажать на желтую кнопку, Этцвейн прошел во дворец.

«Я ожидал вас, – сказал Саджарано. – Вы завтракали? Сегодня прохладно, не помешает чашка свежего чаю. Не пройти ли нам в утреннюю гостиную?»

Показывая путь, Саджарано провел Этцвейна в залитое солнечным светом помещение с шахматным полом, выложенным плиткой из зеленого и белого нефрита. Слева стена густо заросла темно-зелеными лозами, а напротив простенки между садовыми окнами сияли прозрачно-белым алебастром. Плавным жестом Саджарано предложил Этцвейну сесть в плетеное кресло, отошел к серванту, выбрал несколько деликатесов и налил горячий чай в пару чашек из серебряного дерева.

Этцвейн осторожно сел. Саджарано занял кресло напротив, спиной к высоким, до потолка, окнам. Этцвейн изучал его, расчетливо и недружелюбно. Опять же, Саджарано отвечал едва заметной улыбкой. Человек мелковатый, властелин страны не производил внушительного впечатления. Под широким, высоким лбом притаился инфантильный нос пуговкой, шишечка подбородка тоже скорее пряталась, нежели выделялась. В представлении толпы вездесущий, всемогущий Аноме, Человек Без Лица, ничем не походил на прихотливо-благовоспитанного эстета.

Саджарано прихлебывал чай. «Нужно захватить инициативу», – подумал Этцвейн и натянуто произнес, тщательно выбирая слова: «Я уже упоминал, что представляю влиятельную группу, серьезно обеспокоенную набегами и размножением рогушкоев. Мы считаем, что, если не будут приняты решительные меры, уже через пять лет существованию Шанта придет конец –

континент заполонит орда рогушкоев. В качестве Аноме вы обязаны истребить разбойников. Народы Шанта вам доверяют и ждут ваших распоряжений».

Саджарано безразлично кивнул, продолжая цедить чай. Этцвейн не прикасался к своей чашке: «Эти соображения, как вам известно, заставили меня и моих друзей прибегнуть к чрезвычайным средствам убеждения».

Саджарано снова кивнул – вежливо, одобрительно: «Ваши друзья – кто они?»

«Люди, шокированные зверствами рогушкоев».

«Понятно. И в их организации вы занимаете руководящий пост?»

«Я? – Этцвейн удивленно рассмеялся. – Я исполняю поручения».

Саджарано нахмурился: «Было бы разумно допустить, что я знаком с другими представителями вашей группы?»

«Состав организации не имеет значения, гораздо важнее ее цели», – уклонился Этцвейн.

«Допустим, что так – хотя я предпочел бы знать, с кем имею дело».

«Вам не придется ни с кем иметь дело. Соберите армию, выгоните рогушкоев – назад в Паласедру. Это все, что требуется».

«По-вашему, все так просто, – Саджарано чуть наклонил голову. – Еще один вопрос. На Джурджину Ксиаллинен произвели впечатление замечательные способности и возможности некоего Ифнесса. Признаюсь, мне любопытно было бы узнать о нем подробнее».

«Ифнесс – удивительный человек, – согласился Этцвейн. – Как быть с рогушкочьями, однако? Что вы предлагаете?»

Саджарано положил в рот ломтик фрукта: «Я внимательно оценил сложившуюся ситуацию и пришел к следующим выводам. Аноме остается правителем Шанта постольку, поскольку в его руках – жизнь каждого гражданина страны, в то время как он сам никому не известен и недоступен. Таково положение Аноме по определению. Мое положение больше не соответствует этому определению – я ношу ошейник. Я не могу нести ответственность за государственную политику и за какие-либо действия, выходящие за пределы моих личных интересов. Короче говоря, я ничего не предлагаю».

«Ничего? Кто будет выполнять ваши повседневные обязанности?»

«Я отрекаюсь и передаю их вам и вашей группе. Власть у вас в руках: вы несете бремя ответственности». Заметив, как помрачнел Этцвейн, Саджарано рассмеялся: «По-вашему, я обязан прилагать истерические усилия, внедряя более чем сомнительную политику? Полнейший абсурд!»

«Должен ли я понимать вас таким образом, что вы больше не считаете себя правителем страны?»

«Совершенно верно. Человек Без Лица может действовать только при условии, что его никто не знает. Вы меня обнаружили. Я известен вам, Джурджине Ксиаллинен, другим членам вашей организации. Следовательно, я больше не способен выполнять функции Аноме».

«Кто же их будет выполнять?»

Саджарано пожал плечами: «Вы, ваш приятель Ифнесс, кто-нибудь еще из ваших сообщников. Повторяю: власть у вас в руках, вы несете бремя ответственности».

Этцвейн хмурился. К такому повороту событий он не приготовился. Он ожидал чего угодно – упрямства, угроз, презрения, гнева – но не пассивной, безвольной сдачи всех позиций. Саджарано отказывался от прерогатив с подозрительной легкостью. Этцвейн встревожился – наследник Сершанов значительно превосходил его в искусстве плести интриги и делать притворные уступки. Этцвейн осторожно спросил: «Вы согласны с нами сотрудничать?»

«Я буду выполнять приказы, безусловно».

«Прекрасно. Во-первых, необходимо объявить чрезвычайное положение по всей стране, сообщить во всеуслышание о существовании опасности и не оставить ни у кого никаких сомнений в том, что организуется широкомасштабное сопротивление».

Саджарано вежливо прокашлялся: «Это несложно устроить. Учитывайте, однако, что Шант населяют не меньше тридцати миллионов человек. Если все они узнают о введении чрезвычайного положения, могут начаться волнения».

«Согласен, могут. Во-вторых, необходимо срочно эвакуировать женщин из всех кантонов, окружающих Хванские Дебри».

Стараясь не оскорбить собеседника, Саджарано, однако, покосился на него с недоумением: «Эвакуировать – куда?»

«В прибрежные районы».

Саджарано сжал маленький рот в розовый бутон: «Это совсем не просто. Где они будут жить? Возьмут ли они с собой детей? Что станет с их жилищами, с повседневной работой? Вы говорите о двадцати, даже тридцати кантонах. Представляете ли вы, сколько там женщин?»

«Именно поэтому их следует немедленно вывезти, – кивнул Этцвейн. – Если тысячи женщин забеременеют от рогушкоев, орда увеличится тысячекратно».

Саджарано повел плечами: «Я упомянул о других трудностях. Ими невозможно пренебрегать».

«Административные детали», – сказал Этцвейн.

«Кто будет ими заниматься? Я, вы, ваша группа? – тон Саджарано становился покровительственным. – Планировать следует исходя из практических возможностей».

Стратегия отрешенного Аноме становилась очевидной. Он не оказывал активного сопротивления, но и не собирался ничем помогать, рассчитывая посеять сомнения и раздоры в стане противника всеми доступными средствами.

«В-третьих, – сказал Этцвейн, – Аноме должен издать приказ о созыве национального ополчения».

Этцвейн ждал возражений. Саджарано не замедлил оправдать его ожидания: «Сожалею, что мне приходится выступать в роли придиричвого критика и капитулянта. Тем не менее должен отметить, что отдавать приказы гораздо легче, чем добиваться их выполнения. Сомневаюсь, что вы хорошо представляете себе всю сложность общественных отношений в Шанте. Шестьдесят два кантона не объединены ничем, кроме общего языка».

«Вы забыли о музыке и цветописи.² Кроме того, каждый гражданин Шанта, за исключением, по всей видимости, одного Саджарано Сершана, напуган и ожесточен набегами рогушкоев. У кантонов больше оснований для единства, чем вы думаете».

Мизинец Саджарано раздраженно дернулся: «Позвольте снова перечислить труднопреодолимые препятствия. Может быть вы все-таки поймете, почему я отказался от вмешательства, чреватого далеко идущими осложнениями. Командование объединенными ополчениями шестидесяти двух разнородных кантонов, где преобладают несовместимые представления о жизни и ценностях – само по себе непосильная задача. Необходим опытный офицерский состав – а я один, не считая помощницы-благотворительницы».

«По-вашему, мои предложения непрактичны и безответственны, – сказал Этцвейн. – Каковы, в таком случае, ваши собственные планы?»

Саджарано вздохнул: «Опыт научил меня тому, что не каждую проблему можно решить. Многие нежелательные явления, на первый взгляд требующие срочного вмешательства, исчерпывают себя и постепенно исчезают, если их игнорируют достаточно долго... Не желаете ли еще чаю?»

Этцвейн, не хотевший чаю, жестом отказался.

---

² Цветопись («аэль-скиан» на языке Шанта): точнее, традиционная система цветового символизма, выражения идей и эмоций оттенками и сочетаниями цветов. В Шанте цветовой символизм играет чрезвычайно важную роль, добавляя к человеческому восприятию дополнительное измерение, подобное музыке.

Саджарано откинулся на спинку кресла и задумчиво продолжил: «Созыв предлагаемого вами ополчения непрактичен еще по одной причине – пожалуй, самой весомой из всех. Он ни к чему не приведет».

«Что заставляет вас сделать такой вывод?»

«Вывод очевиден. Всякий раз, когда требуется решить ту или иную проблему – устранить опасность, выполнить неприятные обязанности – население полагается на Человека Без Лица. Народ сетует на рогушкоев – вы, конечно же, выслушали много жалоб такого рода. От кого ожидают избавления, кому предъявляют претензии? За все отвечает Человек Без Лица. Аноме стоит только издать указ, и все будет хорошо, все опасности исчезнут, все неприятности улетучатся. Да, Аноме поддерживал порядок, обеспечивал спокойствие две тысячи лет – отец народов, вождь, покровитель! Но он так же неспособен защитить население от стихийного нашествия, как отец своих детей – от бушующего в море урагана».

Этцвейн молчал. Саджарано смотрел на него с напряжением, не вязавшимся с рассудительным тоном. Взгляд эстета опустился к чашке чая, остывавшей перед Этцвейном. Нелепое подозрение осенило Этцвейна: не собирался же Саджарано, в самом деле, его отравить!

Этцвейн произнес: «Ваша точка зрения любопытна, но вы ограничиваетесь оправданием бездействия. Наша организация настаивает на решительных мерах. Повторяю: необходимо, во-первых, объявить чрезвычайное положение, во-вторых, эвакуировать женщин, населяющих прилегающие к Хванскому хребту районы, в-третьих, сформировать и обучить ополчение в каждом из кантонов. В-четвертых, вы должны назначить меня исполнительным директором с полномочиями, не уступающими вашим. Если вы кончили завтракать, приступим к осуществлению этой программы немедленно. Начнем с провозглашения новой политики».

«Что, если я откажусь?»

Этцвейн вынул из кармана небольшую металлическую коробку: «Я оторву вам голову».

Саджарано откусил кусочек вафли: «Убедительный довод». Отхлебнув чаю, он жестом пригласил Этцвейна последовать его примеру: «Вы так и не пробовали? Чай выращивают у меня в имении».

Этцвейн быстро пододвинул свою чашку к собеседнику: «Выпейте».

Саджарано поднял брови: «Это ваш чай».

«Пейте! – хрипло потребовал Этцвейн. – Или придется допустить, что мне подмешали снотворное или яд».

«Человеку моего происхождения в голову не пришла бы столь вульгарная мысль!» – звонко повысил голос Саджарано.

«Если вы рассчитывали, что я не стал бы ожидать от вас столь вульгарной мысли, она внезапно становится достаточно утонченной! Вы отведете подозрение, только отведав приготовленного для меня чаю».

«Я не позволю себя запугивать!» – прошипел Саджарано и постучал пальцами по столу. Краем глаза Этцвейн заметил дрожание темно-зеленой завесы плюща – там что-то блеснуло. Этцвейн отшатнулся. Из рукава к нему в ладонь выскользнула трубка универсального детонатора, конфискованная у Саджарано. Этцвейн направил трубку на плющ. Саджарано оглушительно завизжал. Этцвейн нажал на кнопку. За занавесом плюща хлопнул взрыв. Опрокидывая стол, Саджарано бросился на Этцвейна: «Убийца, убийца! О ужас, кровь! Мечта моя, любовь моя...»

Этцвейн ударил Саджарано кулаком. Тот упал на коврик у серванта и лежал, сотрясаясь стонущими рыданиями. Из-под плющевой завесы по нефритовым плиткам расползлась большая темно-красная лужа.

Этцвейн с трудом сдерживал рвоту. Все кружилось и плясало у него в глазах. Он пнул Саджарано, поднявшего желтое лицо со слюнявым ртом. «Вставай! – орал Этцвейн. – Смерть Джурджины – на твоей совести, мерзавец, ты ее убил! Убил мою мать, мою сестру! Если б

рогушкоев раздавили давным-давно, ничего бы этого не было, ничего!» Он снова пнул правителя: «Вставай, или не сносить тебе головы!»

Всхлипывая, шатаясь, Саджарано поднялся на ноги.

«Приказал Джурджине спрятаться, прикончить меня по сигналу?» – угрожающе сжал кулак Этцвейн.

«Нет, не так! У нее шприц-самострел!»

«Безумие! Как вы надеялись остаться в живых? В чае – яд?»

«Снотворное».

«Какой смысл меня усыплять? Отвечайте!»

Саджарано только мотал головой. Он потерял всякое достоинство – более того, бил себя ладонью по лбу, будто старался заставить себя не думать, не слышать, не видеть.

Этцвейн тряс его за плечи: «Чего вы добиваетесь? Зачем меня усыплять? Мои друзья убили бы вас в любом случае!»

Саджарано лепетал: «Душа... внутренний голос...»

«С этой минуты я – ваша душа, я – ваш внутренний голос! Понятно? Как вы отдаете приказы? Мне нужно знать, как связаться с дискриминаторами,³ с кантональными правительствами. Пошли!»

Поникнув пухлыми плечами, Саджарано привел Этцвейна к закрытой на замок двери в глубине полутемного кабинета. Набрав код на кнопочной клавиатуре замка, правитель и дышавший ему в спину Этцвейн взойшли по узкой винтовой лестнице в просторное помещение, откуда открывался широкий вид на Гарвий.

На скамье вдоль стены стояли большие стеклянные ящики. Саджарано неопределенно махнул рукой: «Система радиосвязи. Узко сфокусированный луч принимается ретранслятором в скалах Верхнего Ушкаделя – сигнал не прослушивается из города. Вот кнопки связи с ведомством печати и радиовещания, с Дискриминатурой, с Советом кантонов, с ведомством жалоб и прошений. Фильтрующее устройство изменяет тембр голоса».

«Что, если говорить буду я? – спросил Этцвейн. – Кто-нибудь заметит разницу?»

Саджарано морщился. Глаза его помутнели, как от сильной боли: «Никто не узнает. Вы намерены стать Человеком Без Лица?»

«У меня нет таких намерений».

«Фактически вы уже им стали. Я складываю все полномочия».

«Как вы отвечаете на петиции?»

«Этим занимался Гарстанг. Я регулярно проверял его работу, просматривая ответы на стене объявлений. Иногда он советовался со мной, но такое бывало не часто».

«Когда вы передаете приказы, как обращаетесь к подчиненным?»

«Очень просто. Я говорю: „Аноме желает, чтобы такое-то должностное лицо сделало то-то и то-то“. Вот и все».

«Хорошо. Вызовите ведомство печати и остальные управления. Вы должны сказать, в точности, следующее:

«Возмущенный грабежами и насилием рогушкоев, Аноме провозглашает чрезвычайное положение. Население Шанта должно приготовить и использовать все возможные средства уничтожения бандитов».»

---

³ Дискриминаторы (на языке Шанта – «ави стиои», буквально «чуткие избиратели»): полиция гарвийской Эстетической Корпорации, единственное хорошо организованное правоохранительное учреждение в Шанте.

Саджарано покачал головой: «Я не могу произнести эти слова. Вам придется говорить самому». Казалось, свергнутый правитель был близок к обмороку. Он судорожно сжимал и разжимал кулаки, глаза его метались из стороны в сторону, на коже проступили желтые пятна.

«Почему вы не можете сказать несколько слов?»

«Они противоречат моему... внутреннему голосу, я... не могу участвовать в вашем предприятии. Вы повергнете страну в хаос!»

«Если мы не истребим рогушкоев, Шант погибнет, и негде будет даже хаос устраивать! Покажите, как работает радио».

Подбородок Саджарано дрожал – на мгновение показалось, что он откажется. Эстет сказал, однако: «Переключите рубильник, поверните круглую зеленую ручку, она засветится. Нажмите кнопку выбора ведомства, потом лиловую кнопку вызова. Когда лиловая кнопка начнет мигать, говорите – вас услышат».

Этцвейн приблизился к скамье. Саджарано тихонько отступил на пару шагов. Этцвейн притворился, что изучает приборы. Саджарано метнулся к двери, выбежал, захлопнул дверь. Этцвейн, бросившийся следом, уже вставил ногу в проем. Саджарано налег снаружи, Этцвейн изнутри. Этцвейн был молод и силен, Саджарано упирался с истерической, лихорадочной энергией. Головы противников, пыхтевших с двух сторон широкой щели, почти соприкасались. Глаза Саджарано пучились, язык вывалился. Этцвейн давил. Саджарано медленно отъехал вместе с дверью и сдался. Дверь распахнулась.

Этцвейн вежливо спросил: «Кто живет во дворце – кроме вас?»

«Только прислуга», – выдавил тяжело дышавший правитель.

«Радио подождет, – сказал Этцвейн. – Сперва придется заняться вами».

Саджарано стоял, опустив плечи. Этцвейн повернулся: «Пойдемте. Двери оставьте открытыми. Дайте указания прислуге: я и мои друзья вселяемся во дворец!»

Саджарано обреченно вздохнул: «Что сделают со мной?»

«Будете сотрудничать – живите как хотите».

«Постараюсь, попробую, – сказал Саджарано неожиданно постаревшим голосом. – Нужно же пытаться, пытаться... Я скажу Аганте, дворецкому. Сколько человек приедет? Я вел одинокую жизнь... много лет».

«Мне придется кое с кем посоветоваться».

Глава 2

Усыпленный наркотиком Саджарано лежал в спальне. Этцвейн размышлял, стоя в обширном вестибюле дворца. Что делать с телом девушки? Непонятно. Приказывать слугам убрать ее было бы неосторожно. Пусть остается в гостиной, пока не станет ясно, как повернутся события... Соблазнительная Джурджина! Воплощение грации и живости превратилось в изуродованный труп. Саджарано не вызывал ярости. Раздражаться было бессмысленно – правитель сошел с ума.

Самое неотложное дело: провозглашение новой политики. Этцвейн вернулся в помещение радиостанции и записал на листе бумаги текст воззвания, с его точки зрения краткий и выразительный, после чего включил передатчик, поворачивая ручки и нажимая кнопки согласно инструкциям Саджарано. В первую очередь он вызвал ведомство печати и радиовещания.

Загорелась и стала мигать лиловая стеклянная кнопка.

Этцвейн заговорил: «Аноме приказывает опубликовать по всему Шанту следующую декларацию:

«В связи с опасным распространением рогушкоев в горных кантонах Аноме объявляет в стране чрезвычайное положение, вступающее в силу немедленно.

Несколько лет Аноме пытался остановить захватчиков, прибегая к мирным средствам убеждения. Эти попытки не увенчались успехом. Теперь мы вынуждены действовать, используя все ресурсы, доступные народам Шанта. Рогушкой будут истреблены или изгнаны в Паласедру!

Рогушкам свойственна неестественная похоть, от нее уже пострадали многие женщины. Для того, чтобы свести к минимуму число дальнейших изнасилований, Аноме приказывает всем женщинам покинуть граничащие с Дебрями кантоны и переселиться в приморские районы, где власти обязаны обеспечить все необходимое для их безопасного временного проживания, в том числе кров и пищу.

В то же время власти каждого кантона должны сформировать ополчение из способных носить оружие мужчин, призывая не менее одного рекрута из каждого ста жителей. Дальнейшие указы, относящиеся к созданию национальных вооруженных сил, последуют в свое время. Кантональные власти, однако, обязаны немедленно приступить к вербовке личного состава. Задержки недопустимы и будут сурово караться.

В ближайшем будущем Аноме выступит с дополнительными объявлениями. Исполнительным директором, ответственным за координацию действий, назначается Гастель Этцвейн. Ему поручается руководство практическим осуществлением поставленных задач. Он представляет Аноме и говорит от имени Аноме. Все его указания должны беспрекословно выполняться».

Этцвейн вызвал главного дискриминатора Гарвия и снова прочел декларацию: «Гастелю Этцвейну надлежит подчиняться так, как если бы он сам был Человеком Без Лица. Все ясно?»

В ответ прозвучал голос главного дискриминатора: «Гастелю Этцвейну будет оказано всевозможное содействие. Осмелюсь заметить, ваше превосходительство, что новую политику будут приветствовать во всех кантонах Шанта. Мы очень рады, что вы наконец приступили к делу!»

«Такова воля Шанта, – заявил Этцвейн. – Я ее выражаю и выполняю. Один, я никто и ничто!»

«Разумеется, совершенно верно, – поспешил согласиться дискриминатор. – Будут дополнительные указания?»

«Да. Я хочу, чтобы завтра в полдень, в управлении Корпорации, собрались самые опытные гарвийские технисты. Потребуется их рекомендации, касающиеся производства и применения различных видов оружия».

«Будет сделано».

«На данный момент это все».

Этцвейн осмотрел помещения Сершанского дворца. Прислуга следила за ним с подозрением, недоуменно ворча. Элегантная роскошь залов и галерей превосходила любые потуги воображения бродячего музыканта. Взору его открывались сокровища, накопленные за тысячи лет – стеклянные колонны, инкрустированные серебряными геральдическими знаками и астрологическими символами, анфилады приемных и гостиных, бледно-голубых и темно-розовых, стены, сплошь сияющие витранными⁴ пейзажами, мебель и фарфор, доставшиеся от далеких предков, великолепные ковры из Массеаха и Кансума, ряды серебряных и золотых масок, искаженных гневом и злорадным торжеством – лучшие образцы из погребальных кладов, разграбленных отчаянными смельчаками на плоскогорьях внутреннего Караза.

«И мне, – думал Этцвейн, – мог бы принадлежать такой дворец! Абсурд! Гастель Этцвейн, невзначай порожденный скучающим бродячим музыкантом и рабыней, принимавшей путников в хижине на Аллее Рододендронов, отныне по иронии судьбы – признавая фактическое положение дел – Аноме, безликий, безымянный самодержец Шанта!»

Этцвейн разочарованно пожал плечами. В юности он знал нужду – каждый бережливо отложенный флорин составлял ничтожную часть выкупа, необходимого для освобождения матери из крепостного долга. А теперь в его распоряжении все сокровища Шанта! Поздно, поздно... ее они уже не спасут. И что, черт побери, делать с трупом в утренней гостиной?

Опустившись в кресло посреди библиотеки, Этцвейн погрузился в невеселые думы. Поступки Саджарано свидетельствовали о роковом помешательстве – человек, вынашивающий коварные замыслы, не стал бы вести себя столь опрометчиво. Почему они не могли откровенно объясниться? Даже с глупцом можно договориться, даже преступника можно запугать. Безнадежная ситуация! Саджарано не мог проводить сутки за сутками, лежа в наркотическом оцепенении – ему нужно же было когда-то есть и пить! А в любом другом состоянии он представлял смертельную опасность. Оставалось только оторвать ему голову.

Этцвейн скорчил гримасу. Как не хватало Иффнесса – всегда находчивого, всегда хладнокровного! Незаменимый Иффнесс вернулся на Землю. Но пригодились бы и любые другие союзники.

На кого можно было положиться? На маэстро Фролитца и «Розово-черно-лазурно-глубокозеленую банду»? Чепуха! Этцвейн немедленно отверг появившуюся было мысль. Кто еще? Дайстар, его отец. Второе, полузабытое имя всплыло из глубины памяти: Джерд Финнерак.

Обоих он почти не знал. Дайстар даже не подозревал о существовании сына-музыканта. Однажды Этцвейну привелось услышать импровизацию Дайстара – он догадывался о том, что творилось в душе знаменитого друидийна. Финнерак – в тот далекий день, когда он повстречался двенадцатилетнему Этцвейну на развязке воздушной дороги – был крепко сложенным молодым человеком с решительным загорелым лицом и русыми волосами, побелевшими в лучах горных солнц. Финнерак не обидел бежавшего от хилитов заморыша, пойманного

---

⁴ Витран: уникальный, применявшийся только в Гарвии процесс изображения. Художник и подмастерья использовали миниатюрные палочки цветного стекла, длиной чуть больше шести миллиметров и диаметром около миллиметра; палочки эти наклеивались, одна за одной, на основу из притертого стекла. Законченная работа, подсвеченная снаружи, представляла собой пейзаж, портрет или орнаментальный узор, интенсивностью, живостью и внутренней силой цветовых сочетаний превосходивший любые образцы изобразительного искусства, изготовленные другими методами. Картина светилась тончайшими оттенками, позволяла различить мельчайшие детали и поражала глубиной перспективы. Создание даже небольшого витранного полотна требовало невероятных затрат труда и времени – на один квадратный метр основы наносилось шестьсот сорок пять тысяч стеклянных «мазков»!

и проданного поставщику крепостных бурлаков. Финнерак даже советовал еще не окольцованному Этцвейну бежать с нависшей над двумя ущельями платформы Ангвинской развязки. Где он теперь, Джерд Финнерак? Как обошлась с ним жизнь?

Этцвейн прошел в кабинет, поднялся по винтовой лестнице радиостанции, вызвал главного дискриминатора и потребовал получить из управления воздушной дороги информацию о работнике по имени Джерд Финнерак.

Заглянув в спальню, Этцвейн увидел Саджарано, безвольно развалившегося в наркотическом сне, нахмурился и прикрыл дверь. Спустившись в огромный приемный зал, Этцвейн подозвал лакея и послал его в гостиницу «Фонтеней» – найти маэстро Фролитца и привезти его в Сершанский дворец.

Немного погодя прибыл Фролитц – с вызывающим видом, но порядком напуганный. Обнаружив у входа Этцвейна, старый музыкант сразу остановился, нахохлившись, как встревоженная птица.

«Заходите, заходите!» – пригласил Этцвейн. Отпустив лакея, он провел Фролитца в большой приемный зал: «Садитесь. Хотите чаю?»

«Не откажусь, – отвечал Фролитц. – Может быть, ты соизволишь мне объяснить, что происходит и как ты здесь оказался?»

«Странная получилась история, – сказал Этцвейн. – Как вы знаете, недавно я подал жалобу Человеку Без Лица, уплатив пятьсот флоринов».

«Знаю. Дурак ты после этого».

«Как выяснилось, не совсем. Аноме согласился с моими доводами и попросил меня помочь правительству организовать вооруженное сопротивление рогушкоям... гм... по всей стране».

Фролитц прищурился, открыв рот: «Как ты сказал? Аноме „попросил“ Гастеля Этцвейна, бродягу-хитаниста... Бред! Тебя кто-нибудь треснул по голове?»

«Бред наяву, если хотите. Кому-то же нужно этим заниматься. Я согласился. Кроме того, я предложил Аноме услуги вашей трупы... Предложение принято».

Фролитц, второпях не успевший сбрить седую щетину, разинул рот еще шире. В глазах у него загорелись издевательские искорки: «Давай, давай, рассказывай! У рогушкоев поджилки трясутся: с победным маршем наступают маэстро Фролитц и его кровожадный оркестр! Враг деморализован, музыка спасает Шант. Почему мне самому не пришла в голову такая блестящая идея?»

«Я понимаю, ситуация необычна, – терпеливо отозвался Этцвейн. – Но посмотрите вокруг, убедитесь сами».

Фролитц признал необычность обстановки: «Мы тут расселись, как эстеты, в сказочно роскошном дворце. О чем это говорит и что из этого следует?»

«Только то, что я сказал. Мы должны помочь Аноме».

Охваченный новыми подозрениями, Фролитц беспокойно изучал лицо Этцвейна: «Одно ясно и не подлежит никакому обсуждению: я – музыкант, а не полководец. Кроме того, я слишком стар, чтобы воевать».

«Ни вам, ни мне не придется драться с саблями в руках, – успокоил его Этцвейн. – Нам поручены обязанности более конфиденциального и, естественно, прибыльного характера».

«Что придется скрывать и сколько мы получим?»

«Мы во дворце Сершанов, – сказал Этцвейн. – Здесь мы должны поселиться – вы, я, вся труппа. Нас устроят, как эстетов, будут кормить, как эстетов. Обязанности достаточно просты – но прежде, чем я стану вдаваться в подробности, мне нужно знать, как вы относитесь к перспективе провести некоторое время во дворце».

Фролитц почесал в затылке, взъерошив редкие седые волосы: «Ты упомянул о прибыли. По крайней мере, это замечание напоминает бывшего Гастеля Этцвейна, молившегося на каждый флорин, как на умирающего святого. Все остальное больше похоже на галлюцинации – ты, часом, не пробовал курить гальгу?»

«Мы сидим в Сершанском дворце: разве это галлюцинация? Согласен, нам предлагают неожиданную работу – но, как вы знаете, в жизни происходят самые странные вещи».

«С этим невозможно спорить! Жизнь музыканта полна неожиданностей... Разумеется, я ничего не имею против того, чтобы пожить во дворце Сершанов, если хозяева не возражают... Ты не вознамерился, случаем, шутки шутить? Того и гляди, сошлют старого Фролитца на остров Каменотесов – туда плыть две недели, а я не выношу морской качки!»

«Никаких подвохов, клянусь вам! Как насчет труппы – они согласятся?»

«Разве они откажутся от такой возможности? Хорошо, допустим на минуту, что все это не розыгрыш и не какая-нибудь дикая махинация – в чем состоят наши обязанности?»

«Опять же вы скажете, что я вас разыгрываю, – предупредил Этцвейн. – Аноме хочет, чтобы Саджарано Сершан находился в закрытом помещении под постоянным наблюдением. Грубо говоря, он под домашним арестом. Наша функция – его стеречь».

Фролитц крикнул: «Из огня да в полымя! Если Аноме полагает, что музыканты – самые подходящие тюремщики, почему бы ему не приказать тюремщикам гастролировать с концертами?»

«Дело не пойдет так далеко, – заверил Этцвейн. – По существу мне поручено найти нескольких надежных людей, умеющих держать язык за зубами. Я сразу подумал о вашей труппе. Как я упомянул, нам хорошо заплатят. В частности, мне разрешено заказать новые инструменты для всех оркестрантов – самые лучшие древорогы с медными и золотыми кольцами, хитаны из черной каразской сосны с бронзовыми петлями и зажимами, серебряные тринголеты – все, что нужно, все самого высокого качества. Расходы за счет казны».

Фролитц растерянно смотрел на ученика: «Ты все это можешь достать?»

«Могу».

«В таком случае рассчитывай на охотное содействие труппы. В самом деле, давно пора сделать перерыв и отдохнуть».

Саджарано Сершан занимал апартаменты в верхних этажах высокой башни жемчужного стекла – с теневой, задней стороны дворца. Поднявшись туда, Этцвейн обнаружил бывшего правителя сидящим в скромно-непринужденной позе на зеленом атласном диване. Саджарано складывал на столешнице мозаичную головоломку из желтоватых костяных пластинок. Лицо его осунулось, кожа приобрела оттенок старого пергамента, покрылась сетью мелких морщинок. Владелец дворца сдержанно приветствовал Этцвейна, но не хотел встречаться с ним глазами.

«Первый шаг сделан, – сообщил Этцвейн. – Вооруженные силы Шанта мобилизуются и скоро выступят против рогушкоев».

«Надеюсь, решать проблемы будет так же легко, как их создавать», – сухо сказал Саджарано.

Этцвейн сел напротив, в кресло из белого дерева: «Ваши взгляды не изменились?»

«Конечно, нет. Мои взгляды основаны на многолетнем опыте».

«Может быть вы согласитесь все же не вставлять мне палки в колеса?»

«Власть в ваших руках, – произнес Саджарано, нагнувшись над головоломкой. – Мне остается только подчиняться».

«Вы это говорили и раньше. А потом попытались меня отравить», – напомнил Этцвейн. Саджарано безразлично пожал плечами: «Я подчинился внушению внутреннего голоса».

«Хмф... И что же внутренний голос внушает вам теперь?»

«Ничего. С вами в мой дом пришла беда. Я хочу одного – остаться в уединении».

«Ваше желание будет удовлетворено, – сказал Этцвейн. – В течение некоторого времени, пока не выяснится дальнейший ход событий, группа музыкантов – моих знакомых и коллег – проследит за тем, чтобы ваше уединение не нарушалось. Это наименьшее из неудобств, возможных в сложившейся ситуации. Надеюсь, вас оно не слишком отяготит».

«Нисколько – если они не станут репетировать или устраивать пьяные потасовки».

Этцвейн посмотрел в окно, на густые леса Верхнего Ушкаделя: «Как убрать тело из утренней гостиной?»

Саджарано ответил очень тихо: «Нажмите кнопку у двери – придет Аганте».

Явился дворецкий. «В утренней гостиной вы найдете тело, – сказал ему Саджарано. – Закопайте его, утопите в озере Суалле, избавьтесь от него любым способом по вашему усмотрению – но так, чтобы об этом никто не знал. Вернувшись, приберите в гостиной».

Аганте молча поклонился и ушел.

Саджарано повернулся к Этцвейну: «Чего еще вы от меня хотите?»

«Я должен воспользоваться средствами государственной казны. Каковы установленные правила?»

Губы Саджарано скривились в презрительной усмешке. Он небрежно отодвинул тонкие костяные пластинки: «Пойдемте».

Они спустились в кабинет Саджарано, где владелец дворца остановился – так, будто его поразила какая-то мысль. Этцвейн опасался очередной безумной выходки и демонстративно, с угрозой опустил руку в карман. Саджарано едва заметно повел плечами – каково бы ни было его намерение, он, по-видимому, от него отказался. Эстет извлек из шкафа пачку платежных чеков. Этцвейн осторожно приблизился, не снимая палец с желтой кнопки. Но Саджарано не думал сопротивляться. Он поспешно пробормотал, будто боялся, что его услышат: «Вы проводите смелую политику, я не могу... Возможно, вы правы; возможно, я слишком долго прятал голову в песок... Иногда мне кажется... что я живу в кошмарном сне».

Эстет монотонно разяснил Этцвейну, как заполняются и предъявляются чеки.

«Между нами не должно быть недоразумений, – сказал ему Этцвейн. – Вам запрещается покидать дворец, пользоваться радио, посылать слуг с поручениями, принимать друзей и гостей. Мы не причиним вам никакого ущерба, если вы не сделаете ничего, вызывающего подозрения».

Фролитц уже прибыл с трупой во дворец. Этцвейн позвал его, представил ему Саджарано. Фролитц поклонился – иронически, но достаточно дружелюбно: «Мне предстоит выполнять непривычные обязанности. Надеюсь, мы сможем обойтись без излишних волнений и беспокойств».

«Я ничего так не хочу, как избавиться, наконец, от волнений и беспокойств, – с горечью ответил Саджарано и повернулся к Этцвейну. – Я больше не нужен? Или у вас есть еще какие-нибудь вопросы?»

«В данный момент вопросов нет».

Саджарано вернулся в жемчужно-стеклянную башню. Фролитц хитро покосился на Этцвейна: «Возникает впечатление, что содержание эстета в заключении – не самая важная из твоих обязанностей».

«Впечатление вас не обманывает, – признал Этцвейн. – Чтобы удовлетворить ваше любопытство...»

«Ничего не говори, ничего! – закричал Фролитц. – Чем меньше я знаю, тем меньше претензий ко мне можно предъявить!»

«Как вам угодно, – Этцвейн показал старому музыканту дверь, ведущую на винтовую лестницу радиостанции. – Сюда Саджарано нельзя пускать ни в коем случае! Не забудьте!»

«Смелое запрещение, – заметил Фролитц, – учитывая тот факт, что он – владелец дворца».

«Тем не менее, сюда ему заходить нельзя. Кто-то должен постоянно оставаться в кабинете и сторожить вход на лестницу – днем и ночью».

«Неудобно. Репетировать нужно в полном составе – ты же знаешь».

«Репетируйте здесь, в кабинете». Этцвейн нажал кнопку вызова. Явился Аганте.

«Нам придется на какое-то время нарушить привычный распорядок жизни во дворце, – сказал дворецкому Этцвейн. – Честно говоря, Аноме приказал содержать Саджарано под домашним арестом. Маэстро Фролитцу и его труппе поручено проследить за выполнением приказа. Они рассчитывают на ваше безусловное содействие».

Аганте поклонился: «Я на службе у его превосходительства Саджарано Сершана. Он изъявил желание, чтобы я выполнял ваши указания. Следовательно, я к вашим услугам».

«Превосходно. Мое первое указание таково: каковы бы ни были поручения Саджарано, вам запрещается делать что-либо препятствующее осуществлению наших официальных полномочий. Это понятно?»

«Понятно, ваше превосходительство».

«Если Саджарано отдаст приказ, противоречащий условиям его домашнего ареста, вы обязаны сообщить об этом мне или маэстро Фролитцу и ожидать наших инструкций. Последствия неповиновения очень серьезны. Сегодня у вас была возможность наблюдать эти последствия в утренней гостиной».

«Ваше превосходительство не могли выразиться яснее». Аганте удалился.

Этцвейн обратился к Фролитцу: «Маэстро, с этой минуты вам предстоит контролировать ситуацию. Будьте бдительны! Саджарано – находчивый и отчаянный человек».

«В находчивости ему меня не перещеголять! – провозгласил Фролитц. – Когда мы в последний раз играли „Керитери меланхине“, Лурнус всех подвел позорнейшим образом, но я сразу смодулировал в тональность седьмой ступени, и никто ничего не заметил – помнишь? Это ли не находчивость? А кто запер балладиста Барндарта в нужнике, когда он не хотел уступать нам сцену? Находчивость – мое форте!»

«Вы меня убедили – я спокоен», – отозвался Этцвейн.

Фролитц ушел разъяснять оркестрантам новые обязанности. Этцвейн сел за стол в кабинете Саджарано и выписал подлежащий оплате по предъявлению чек на двадцать тысяч флоринов – по его приблизительным расчетам, этой суммы должно было хватить на все обычные и непредвиденные расходы в ближайшем будущем.

В Банке Шанта Этцвейну отсчитали, без вопросов и формальностей, двадцать тысяч флоринов – до вчерашнего дня он даже не надеялся когда-нибудь держать в руках столько денег!

Назначение денег – в том, чтобы ими пользоваться. В ближайшей галантерейной лавке Этцвейн выбрал костюм, по его представлению соответствовавший роли исполнительного директора – дорогой пиджак из красновато-лилового и зеленого велюра, темно-зеленые брюки, черный вельветовый плащ с бледно-зеленой подкладкой, добротные кожаные ботинки. В массивном зеркале галантерейщика красовался блестящий молодой аристократ. Где был Гастель Этцвейн, не тративший ни флорина без крайней необходимости?

Управление Эстетической Корпорации располагалось в историческом здании бывшей Палаты правосудия – громадном сооружении из пурпурного, зеленого и синего стекла в глубине мощеного двора, выходившего на площадь Корпорации. Нижние два этажа относились еще к Среднему периоду династии Пандамонов. Строительство верхних четырех ярусов, шести башен и одиннадцати куполов завершилось за десять лет до начала Четвертой Паласедрийской

войны – каким-то чудом, однако, здание уцелело при ожесточенной бомбардировке пневмофугасами.

Этцвейн поднялся на второй этаж Палаты правосудия, где находилась Дискриминатура – ведомство главного дискриминатора Гарвия, Ауна Шарраха. «Будьте добры, сообщите о моем визите, – обратился он к служащему в приемной. – Меня зовут Гастель Этцвейн».

К нему вышел сам Аун Шаррах – человек породистой внешности с тонким горбатым носом, большим, будто начинавшим улыбаться ртом и коротко подстриженными густыми волосами, равномерно припорошенными сединой. На нем была самая неприхотливая темно-серая туника, украшенная лишь парой тонких полосок серебряного дерева на плечах: подчеркнуто скромный наряд. Этцвейн подумал, что рядом с Шаррахом он должен был казаться безвкусно расфуфыренным провинциалом.

Главный дискриминатор смотрел на Этцвейна с ненавязчивым любопытством: «Заходите ко мне, прошу вас».

Они прошли в большой кабинет с высоким потолком. Из окон открывался вид на площадь Корпорации. Подобно наряду Ауна Шарраха, обстановка в кабинете была проста и элегантна. Главный дискриминатор пригласил Этцвейна сесть в кресло напротив окна, а сам устроился на краю дивана в простенке между окнами. Этцвейн завидовал непринужденности его движений. Казалось, Шарраху нисколько не беспокоило, как он выглядит и что о нем думают. На стороне дискриминатора было важное преимущество – все его внимание сосредоточилось на Этцвейне, тогда как Этцвейн вынужден был постоянно следить за собой.

«Вам известно новое положение дел, – сказал Этцвейн. – Аноме призывает народы Шанта к сопротивлению рогушкам».

«Лучше поздно, чем никогда», – отчетливо пробормотал Аун Шаррах.

Этцвейну его замечание показалось несколько легкомысленным.

«Как бы то ни было, теперь мы должны вооружиться, в связи с чем Аноме назначил меня исполнительным директором. Я говорю от его имени».

Аун Шаррах откинулся на спинку дивана: «Любопытно, не правда ли? Только вчера или позавчера нам было поручено найти и задержать некоего Гастеля Этцвейна. Полагаю, искали вас?»

Этцвейн ответил подчеркнуто холодным взглядом: «Аноме меня искал. Он меня нашел. Я изложил определенные доводы – вам известно, как он отреагировал».

«Мудро – таково, по крайней мере, мое мнение, – сказал Аун Шаррах. – Могу ли я поинтересоваться, в чем заключались ваши доводы?»

«Я предложил его вниманию математические выкладки, неопровержимо доказывающие, что дальнейшая задержка военных действий приведет к общенациональной катастрофе. Вы организовали собрание техников?»

«Делаются приготовления. Сколько человек вы хотели бы видеть на собрании?»

Главный дискриминатор не проявлял ни малейших признаков подозрительности. Этцвейн бросил на него сердитый взгляд: «Разве Аноме не дал точных указаний?»

«Насколько я помню, он не назвал точное число техников».

«В таком случае соберите лучших специалистов, пользующихся высокой репутацией – из них мы сможем выбрать председателя технического совета или руководителя программы исследований и разработок. Ваше присутствие на собрании было бы полезно и желательно. Первоочередная задача – формирование компетентных кадров, способных внедрять политику Аноме».

Аун Шаррах медленно, задумчиво кивнул: «Что уже сделано в этом направлении?»

Спокойная наблюдательность и догадливые вопросы дискриминатора начинали серьезно беспокоить Этцвейна: «Почти ничего. Обсуждаются различные кандидатуры... Что удалось узнать в отношении Джерда Финнерака?»

Аун Шаррах взял со стола лист бумаги, прочел: «Джерд Финнерак: крепостной служащий воздушной дороги. Родился в деревне Исперо, в восточной части кантона Утренний берег. Отец, фермер, занимавшийся выращиванием ягод, использовал сына в качестве обеспечения займа, но не уплатил проценты в срок. Сына забрали судебные исполнители – его отправили отрабатывать долг. Работая на воздушной дороге, Джерд Финнерак отличался непокладистым, даже бунтарским характером и совершил ряд проступков. В частности, переводя гондолу с одной ветки Ангвинской развязки на другую, он умышленно отцепил ее от троса и пустил по ветру. В результате воздушнодорожное управление понесло крупные расходы и, кроме того, вынуждено было возместить убытки пассажирам, обратившимся в суд. Эти суммы добавлены к сумме крепостного долга Джерда Финнерака. Теперь он трудится в кантоне Глай, в исправительном лагере №3, куда направляют особо провинившихся служащих. Его крепостной долг составляет чуть больше двух тысяч флоринов».

Шаррах передал донесение Этцвейну: «Хотелось бы знать, почему вы интересуетесь именно Джердом Финнераком?»

Этцвейн придал голосу выражение деревянной непреклонности: «Ваше любопытство вполне естественно. Тем не менее, Аноме настаивает на полной конфиденциальности. Перейдем к другому вопросу. Аноме приказал переселить женщин в приморские кантоны. Число неприятных инцидентов должно быть сведено к минимуму. В каждый кантон требуется направить не меньше шести контролеров, принимающих жалобы, проверяющих существование оснований для жалоб и составляющих письменные заключения с тем, чтобы могли быть приняты меры по устранению упущений. Поручаю вам назначить компетентных должностных лиц и откомандировать их в кратчайшие возможные сроки».

«Предусмотрительное распоряжение, – согласился Аун Шаррах. – Я прикажу заместителям сформировать группы контролеров».

«Оставляю детали на ваше усмотрение».

Покидая Дискриминатуру, Этцвейн думал, что, в конечном счете, не допустил серьезных просчетов. В породистой голове невозмутимого Шарраха, несомненно, кишели гипотезы, подозрения и догадки. Неизвестно было, однако, какие выводы сделает влиятельный хитрец и кем он в конце концов станет – союзником или противником? Больше, чем когда-либо, Этцвейну нужен был союзник, поверенный, надежный помощник. В одиночестве он подвергался опасности на каждом шагу.

Кружным путем Этцвейн вернулся ко дворцу Сершанов. Ему казалось, что за ним кто-то увязался. Когда он прошел под Гранатовыми воротами, спрятался за пилястром и подождал в темно-красной полутени, никто не прошел мимо. Всю дорогу Этцвейн оглядывался, но никого не заметил.

Глава 3

Ровно в полдень Этцвейн вошел в большой конференц-зал Палаты правосудия. Не оглядываясь по сторонам, он прошагал прямо к возвышению трибуны, взялся обеими руками за толстый серебряный поручень и обвел глазами ряды внимательных лиц.

«Уважаемые господа! Аноме подготовил сообщение, мне поручено его прочесть, – Этцвейн расправил свернутый в трубку лист пергаментной бумаги. – Слушайте! Так говорит Аноме».

«Приветствую техническую элиту Гарвия! Сегодня, в связи с организацией сопротивления рогушкам, потребуются ваши рекомендации. Много лет я пытался предотвратить набеги мирными средствами. Напрасно: теперь мы вынуждены драться.

Уже приказано сформировать армию, но это только половина дела. Необходимо создать эффективное оружие.

Задача состоит в следующем. Воин-рогушкой – массивное, бесстрашное существо, нападающее с дикой яростью. Его основное оружие – металлическая палица с шипами и ятаган, причем изогнутый серпом ятаган используется и как рубящий клинок, и как метательный снаряд, поражающий цель в пятидесяти метрах и дальше. Следовательно, у наших солдат должно быть оружие, способное истреблять рогушкоев на расстоянии не менее ста метров.

Поручаю вам эту задачу и приказываю немедленно сосредоточить все усилия на ее решении. В вашем распоряжении все ресурсы Шанта.

Разумеется, необходимо организовать работы. Выберите из ваших рядов председателя и членов технического совета, руководящего исследованиями и разработками.

Исполнительным директором назначен человек, читающий мое обращение, Гастель Этцвейн. Он выступает от моего имени. Вы будете отчитываться перед ним и выполнять его указания.

Повторяю: поставленная задача нуждается в безотлагательном решении. Ополчение уже собирается и скоро потребует выдачи оружия».

Этцвейн отложил текст обращения и поднял лицо к почти заполненному амфитеатру: «Есть вопросы?»

Пыхтя, на ноги поднялся толстяк с нездоровым румянцем на щеках: «Требования понятны. Но какого рода оружие имеет в виду Аноме?»

«Оружие, позволяющее убивать рогушкоев и принуждать их к отступлению с минимальным риском для тех, кто этим оружием пользуется», – ответил Этцвейн.

«Очень расплывчатое определение, – пожаловался толстяк. – Мы не получили конкретных разъяснений. Аноме должен предоставить комплекты чертежей – или, по меньшей мере, описание технических характеристик. Что же, нам придется работать вслепую?»

«Аноме не техник, техники – вы! – возразил Этцвейн. – Разработайте технические требования и чертежи сами! Если возможно изготовление лучевого оружия – прекрасно. Если нет, найдите самое практичное и целесообразное решение. По всему Шанту формируются ополчения, им потребуются средства уничтожения врага. Аноме не может вооружить армию мановением руки. Оружие предстоит спроектировать и изготовить вам, техникам!»

Толстяк покраснел пуще прежнего, неуверенно посмотрел по сторонам и сел. В последнем ряду Этцвейн заметил Ауна Шарраха, задумчиво улыбавшегося в пространство.

Встал высокий человек с горящими черным глазами на восковом лице: «Ваши замечания справедливы, и мы сделаем все, что в наших силах. Но учитывайте, что мы технисты, а не изобретатели. Мы скорее совершенствуем процессы, нежели разрабатываем принципиально новые конструкции».

«Если не можете справиться с работой, найдите тех, кто справится, – упорствовал Этцвейн. – Я назначаю вас – лично – руководителем, ответственным за разработку оружия. Создайте оружие или умрите!»

Вмешался другой техник: «Направление разработок зависит от предполагаемой численности армии. Другими словами, нужно знать, сколько единиц оружия должно быть произведено. Скорость изготовления и доступность материалов могут оказаться важнее совершенства конструкции».

«Совершенно верно, – согласился Этцвейн. – Численность армии составит от двадцати до ста тысяч человек, в зависимости от сложности кампании. Следует отметить, что производство оружия – лишь самая неотложная из задач. Потребуется также устройства связи, позволяющие командирам координировать маневры. Председатель технического совета должен выбрать группу специалистов, способную проектировать такое оборудование».

Этцвейн ждал дальнейших вопросов, но в зале царила угрюмая, неуверенная тишина. Этцвейн решил закончить собрание: «Организуйте работы по своему усмотрению. Выберите председателя, человека компетентного, пользующегося уважением, решительного – даже, в случае необходимости, безжалостного. Он сформирует группы специалистов, руководствуясь практическими соображениями. С вопросами и рекомендациями обращайтесь ко мне через главного дискриминатора, Ауна Шарраха».

Без дальнейших слов Этцвейн поклонился и покинул зал.

В павильоне во дворе Палаты правосудия к Этцвейну подошел Аун Шаррах. «Колеса завертелись, – сказал он. – Надеюсь, никто не будет вставлять в них палки. У техников нет опыта творческого проектирования – и, если я могу позволить себе такое наблюдение, Аноме не проявил в этом отношении достаточной решительности».

«Что вы имеете в виду?» – спокойно спросил Этцвейн.

«Как правило, Аноме запрашивает досье и характеристики каждого из участников проекта, после чего сам назначает директора и дает точные, конкретные указания. Теперь техники в замешательстве, не знают, с чего начать – им не хватает инициативы».

Этцвейн безразлично пожал плечами: «Аноме приходится многое рассчитывать и планировать. Часть его бремени должна быть возложена на других».

«Разумеется – если другие способны выдержать такое бремя и если им предъявлены конкретные требования».

«Как я уже сказал, требования им придется разработать самостоятельно».

«Оригинальный принцип! – признал Аун Шаррах. – Будем надеяться, что инерция многовековых традиций преодолима».

«Ее придется преодолеть, если мы хотим выжить! Аноме не может собственноручно драться с рогушками – на тварях нет ошейников. Полагаю, вы достаточно подробно изучили мою биографию?»

Аун Шаррах кивнул без всякого смущения: «Вы были – или продолжаете быть – музыкантом в популярной труппе маэстро Фролитца».

«Я музыкант. Я понимаю других музыкантов так, как вы не сможете их понять, даже если подготовите сотни досье».

Шаррах задумчиво погладил подбородок: «И что же?»

«Предположим, Аноме пожелал бы сформировать труппу лучших музыкантов Шанта. Без сомнения, вы могли бы предоставить ему тысячи характеристик, чтобы Аноме сделал

выбор. Сыгрался бы такой оркестр? Смогли бы оркестранты дополнять друг друга, а не мешать друг другу? Не думаю. Другими словами, посторонний человек, не будучи опытным специалистом в той или иной области, не может выбрать или назначить группу специалистов, способную успешно работать в этой области. Специалисты должны организовываться сами. По крайней мере, в настоящее время Аноме придерживается такой точки зрения».

«Я с интересом прослежу за успехами техников, – сказал Аун Шаррах. – Какое оружие вы ожидаете получить?»

Этцвейн холодно покосился на главного дискриминатора: «Я не разбираюсь в оружии и ничего не ожидаю – так же, как Аноме».

«Разумеется. Хорошо, мне пора вернуться в управление и реорганизовать персонал», – Аун Шаррах скрылся в стеклянном лабиринте Палаты правосудия.

Этцвейн пересек площадь Корпорации и зашел в галерею Роз. Выбрав столик в уединенном углу, он заказал чашку чая и мысленно перечислил достигнутые успехи. По его мнению, он добился существенного прогресса, привел в движение важные механизмы. Женщины переезжали в относительно безопасные приморские кантоны. В лучшем случае, теперь безудержное размножение рогушкоев прекратится, в худшем – рогушкоем придется совершать набеги на селения, отдаленные от их горных убежищ. Приказ о формировании ополчений отдан, техники получили указание разработать оружие. Маэстро Фролитц стерег Саджарано Сершана. С главным дискриминатором Шаррахом, фигурой неизвестных предпочтений, приходилось поступать крайне осмотрительно.

Он сделал все, что можно было сделать сразу... Рядом, на стуле, кто-то оставил газету «Эрнид короматик».⁵ Этцвейн взял ее, просмотрел разноцветные полосы. Бледно-голубыми и зелеными символами – с ярко-розовыми и темно-розовыми вставками, посвященными особо щекотливым и скандальным историям – сообщались светские сплетни и комментарии на злободневные столичные темы – эти столбцы Этцвейн игнорировал. Он прочел сиреневую декларацию Аноме. Различными оттенками сине-фиолетового и темно-зеленого⁶ предлагались отзывы известных и влиятельных лиц. Декларация вызвала всеобщее одобрение. «Наконец Аноме обрушит свой гнев на орды неистовых дикарей! – бушевал ярко-ультрамариновым текстом эстет Сантанджело Фераттилен. – Народы Шанта могут облегченно вздохнуть».

Этцвейн закусил губу, раздраженно встряхнув газету. Снизу на второй странице он заметил объявление в коричневой рамке, оттененной охряно-желтым бордюром – мрачные, пугающие вести. Полчище рогушкоев – по приблизительной оценке не меньше пятисот бойцов – вторглось в долину Сизых Туманов в кантоне Лор-Асфен. Сотни мужчин погибли, сотни женщин пропали без вести: «Рогушкой разбили лагерь в долине и не проявляют намерения возвращаться в Хван. Следует ли считать долину Сизых Туманов оккупированной территорией? Женщин со всей возможной расторопностью эвакуируют из Лор-Асфена на Утренний берег и в Энтерланд. К сожалению, вооруженные силы Аноме еще недостаточны для нанесения контрудара. Можно только надеяться, что кровавая бойня не повторится».

Этцвейн бросил газету на стол, но передумал, сложил ее и засунул в карман плаща. Минуту или две он сидел, разглядывая посетителей за соседними столами – те болтали, шутили и жестикулировали с обезоруживающей грацией, томно отправляя в рот кусочки деликатесов... В саду галереи появился розовощекий толстяк-техник, задававший вопросы в конференц-зале. В бледно-зеленом плаще поверх строгого черно-белого костюма, он присоединился к приятелям, двум веселившимся неподалеку парочкам в роскошных нарядах – синих, зеле-

---

⁵ Буквально «Спектральный вестник» – то есть периодическое издание, содержащее новости любого характера.

⁶ Оттенок сине-фиолетового или темно-зеленого зависел от качеств того лица, чей отзыв цитировался – его репутации, тщеславия, смехотворности, популярности, напыщенности; все эти достоинства и недостатки передавались глубиной и насыщенностью основных оттенков, а также более или менее заметными примесями дополнительных цветов. Гарвийские газеты были рассчитаны на читателя, изощренного в тонкостях цветовой символики.

ных, пурпурных, белых. Приятели пригнулись к новоприбывшему. Тот что-то оживленно рассказывал. Этцвейн прислушался: «...безумие, безумие! Это не входит в наши обязанности – что мы знаем о таких вещах? Аноме требует чудес, но забыл подарить волшебную палочку! Пусть сам поставляет оружие – у него рычаги власти, с него и спрос!»

Приятель в зеленом что-то возразил, но пунцовый технист нетерпеливо прервал его: «Чепуха! Я подам петицию. Аноме не дурак, он должен понять, что так вещи не делаются».

Этцвейн напрягся, застыл – он не верил своим ушам, наливался гневом. Только что он призывал жирного тупицу самоотверженно трудиться во имя спасения цивилизации, а тот уже распускал пораженческие нюни! Этцвейн вынул передатчик, набрал цветовой код эмблемы техниста... но желтую кнопку нажимать не стал. Вместо этого он подошел к толстяку, заглянул в неожиданно побелевшее лицо и тихо сказал: «Я слышал ваши замечания. Понимаете ли вы, что почти потеряли голову? Кое-кому стоит только пошевелить пальцем».

«Я пошутил, не более того! – поспешно оправдывался технист, отталкивая ладонями воздух. – Пожалуйста, не понимайте мои слова буквально!»

«Как еще их понимать? Мы все говорим то, что хотим сказать. Прощайтесь с друзьями и доложите о прибытии в штаб гарвийского ополчения. Надеюсь, вы сумеете драться не хуже, чем трепать языком!»

«Ополчение? Невозможно! Моя работа...»

«Невозможно? – Этцвейн демонстративно пометил на полях газеты цветовой код толстяка. – Я передам ваши возражения Аноме. Позаботьтесь о завещании».

Оглушенный, бледный, технист обмяк на стуле.

Этцвейн подозвал дилижанс и отправился в Сершанский дворец. Он обнаружил Саджарано в висячем саду на крыше – тот сосредоточенно вертел в руках большую хрустальную игрушку. Этцвейн постоял, понаблюдал минуту. Поджав маленький рот и нарочито не замечая Этцвейна, Саджарано перемещал плавающие в толще хрусталя разноцветные светящиеся пятна, поглаживая пальцем инкрустированные костяными полосками ребра многогранника.

Какие мысли блуждали под обширным лбом, достойным поэта? Что двигало маленькими руками, некогда цепко сжимавшими бразды правления? Этцвейн, и так уже не в лучшем настроении, не вынес загадочного молчания, вынул газету и положил ее на столик перед Саджарано. Тот отложил безделушку и стал читать, потом поднял глаза на Этцвейна: «События происходят. История идет своим чередом».

Этцвейн указал на объявление в коричнево-желтой рамке: «Что вы об этом думаете?»

«Трагедия».

«Вы признаете, что рогушкой – враги Шанта?»

«На это нечего возразить».

«Как бы вы с ними обошлись, будь власть снова в ваших руках?»

Саджарано начал было говорить, но осекся и опустил взгляд на радужный многогранник: «Последствия любых действий теряются в сумраке вероятностей».

Этцвейн решил, что Саджарано, по-видимому, действительно рехнулся – почти наверняка: «Как вы стали Человеком Без Лица?»

«Отец уступил мне власть, когда состарился, – посмотрев в небо, Саджарано печально улыбнулся воспоминанию. – Нетипичный случай прямого престолонаследия. Как правило, все не так просто».

«Кому вы собирались завещать полномочия?»

Улыбка исчезла с лица Саджарано, он сосредоточенно нахмурился: «Когда-то я отдавал предпочтение Арнольду Чаму, человеку высокого происхождения, развитого интеллекта и безупречной честности. Но со временем я передумал. Аноме должен быть хитер и беспощаден, для него совесть – непозволительная роскошь, – пальцы Саджарано конвульсивно дернулись. –

Страшные вещи мне приходилось делать, чудовищные! В Хавиоске спугнуть священных птиц равносильно смерти. В Фордуме ученик резчика по нефриту должен умереть, если в его экзаменационной работе появится трещина. Арнольд Чам, человек разумный, не мог бы заставить себя применять нелепые, бессмысленно жестокие законы. Есть более подходящий кандидат – Аун Шаррах, главный дискриминатор. Он холоден, проницателен, умеет подавлять сомнения и сожаления... Но я отверг кандидатуру Шаррах – мне не нравится его стиль – и остановил выбор на Гарстанге. Гарстанг мертв. Теперь все это не имеет значения...»

Подумав, Этцвейн снова задал вопрос: «Известно ли Шарраху, что вы рассматривали его кандидатуру?»

Приподняв игрушку со стола, Саджарано пожал плечами: «Аун Шаррах – лучший специалист по расследованию преступлений. Разумеется, он догадлив, умеет собирать информацию и делать выводы. От главного дискриминатора трудно скрыть источник власти – располагая всеми данными, личность и намерения Аноме можно установить методами исключения и корреляции событий».

Этцвейн отправился в помещение радиостанции, выключил фильтр речевой связи, чтобы его голос не напоминал «голос Аноме», и вызвал Ауна Шаррах: «Говорит Гастель Этцвейн. Я посоветовался с Аноме. Он приказал мне и вам объехать кантоны Шанта в качестве его полномочных представителей. Вам поручено посетить кантоны к востоку от Джардина и к северу от Дебрей, в том числе Шкорий, Лор-Асфен, кантон Ведьминой горы и Утренний берег. На мою долю приходятся западные и южные кантоны. Мы обязаны ускорить мобилизацию и обучение рекрутов, по мере необходимости прибегая к принуждению. У вас, наверное, есть вопросы?»

После короткого молчания Шаррах спросил: «Вы упомянули о „принуждении“. Какими средствами принуждения я могу пользоваться?»

«Записывайте имена и цветовые коды лиц, проявляющих недостаточную расторопность или отказывающихся повиноваться. Аноме получит наши списки и определит меры наказания. В каждой конкретной ситуации необходимо учитывать местные условия. У меня нет более подробных инструкций. Вашего опыта и здравого смысла должно быть достаточно».

Голос Ауна Шаррах несколько поблек: «Когда я должен выехать?»

«Завтра. В первую очередь рекомендую посетить Уэйль, Сиреневую Дельту, Англезий, Джардин и кантон Пособников, после чего можете взять гондолу на Брассейском разъезде и отправиться по континентальной магистрали на дальний Запад. Я сперва заеду в кантоны Дикой Розы, Майе и Эреван, потом в кантон Теней, оттуда воздушной дорогой до Энтерланда. Расходовать собственные средства не требуется – выписывайте чеки, подлежащие оплате по предъявлению в Банке Шанта. Не отказывайте себе ни в чем необходимом».

«Хорошо, – без энтузиазма сказал Аун Шаррах. – Будем стараться».

Глава 4

Реквизированная Этцвейном гондола «Иридиксен» – трехъярусный аппарат из плетеных прутьев, тросов и блестящей пленки – покачивалась у погрузочной платформы. Ветровой, мечтательный и жеманный молодой человек по имени Казалло, выполнял сложные и опасные обязанности со скучающим пренебрежением. Этцвейн взошел на борт. Казалло, уже в рубке, обернулся: «Сударь, ваши указания?»

«Нужно посетить Джамилио, Вервеи, Святую Гору в Эрване, Лантин в кантоне Теней. Потом отправимся в Энтерланд с остановками по всему Шанту».

«Как вам угодно», – Казалло с трудом подавил зевоту. Его прическу украшал заткнутый за левое ухо побег лиловой аразмы – сувенир, оставшийся после вчерашней попойки. Этцвейн с подозрением следил за ветровым, наскоро проверявшим лебедки управления, выпускные клапаны паруса и механизм сброса балласта. Наконец Казалло опустил сигнальный флажок: «Поехали!»

Станционная бригада подтащила переднюю тележку каретки по пазовому рельсу, слегка отпустив гондолу вверх. Казалло презрительно отрегулировал дифферент и крен, расправил парус по ветру. Отцепив остановочные тросы от задней тележки, бригада освободила тормоз – гондола выскользнула вверх и вперед, каретка весело зажурчала в пазу. Казалло подкрутил лебедки с видом экспериментатора, изобретающего новый процесс – движение заметно ожинилось. Гондола летела на восток над Джардинским разломом. Ушкадель превратился в смутную тень за кормой. Скоро они оказались в кантоне Дикой Розы, где среди лесистых холмов, уютных долин и сонных прудов раскинулись луга сельских поместий эстетов Гарвия.

На полете к торговому городку Джамилио ветровой поднял оранжевый флажок и привел парус к ветру. Станционная бригада зацепила заднюю тележку каретки и отвела в боковой пазовый путь, где ее закрепили тормозом. Подхватив тягловые тросы над шкивами передней тележки, остановщик оттащил ее вперед по пазовому рельсу. Гондола опустилась к платформе станции.

Направившись в Скандальное собрание кантона, Этцвейн никого не застал – в коридорах царил гулкая тишина. Кто-то вывесил в вестибюле декларацию Аноме, но не похоже было, чтобы должностные лица ее заметили.

За конторкой вестибюля обнаружился секретарь. Этцвейн в ярости потребовал объяснений. Пока Этцвейн критиковал местные порядки, секретарь, удивленно застывший в вежливом полупоклоне, непонимающе моргал.

«Неужели вы настолько невежественны, что не можете уяснить себе неотложный характер указа? – бушевал Этцвейн. – Вы уволены! Убирайтесь из конторы! Скажите спасибо, что Аноме еще не оторвал вам голову!»

«За многие годы беспорочной службы я привык к неторопливому чередованию событий, – испуганно оправдывался секретарь. – Откуда мне знать, что именно этот указ надлежит выполнять с быстротой молнии?»

«Теперь вы знаете! Как созвать членов общинного совета на экстренное заседание?»

«Не имею представления. Такая необходимость никогда не возникала».

«Надо полагать, в Джамилио есть пожарная бригада? Как ее вызывают?»

«Есть платная бригада добровольцев. Когда случается пожар, бьют в гонг на балконе Скандального собрания».

«Идите и бейте в гонг! Что вы сидите?»

В кантоне Майе жили коммерцианты – высокие, темноволосые, темнокожие люди, обходительные и неторопливые. Они строили восьмиугольные дома с восьмиугольными крышами.

В центре каждой крыши торчала печная труба; высота трубы отражала престиж домовладельца. Соответственно, городки и селения коммерциантов выглядели издалика, как беспорядочные рощи упиравшихся в небо узких каменных столбов, один выше другого. Административный центр кантона, Вервеи, был скорее не городом, а скоплением небольших предприятий, изготовлявших игрушки, деревянную посуду, подносы, канделябры, двери, мебель. По прибытии Этцвейна производство продолжалось полным ходом. Старший негодичант кантона Майе признал, что еще не принимал никаких мер, связанных с декларацией Аноме. «Поспешные приготовления в высшей степени затруднительны, – объяснял он с обезоруживающей улыбкой. – Мы заключили контракты, ограничивающие свободу действий. Кроме того, учитывайте, что в это время года очень много заказов. Не сомневаюсь, что власть и мудрость Аноме достаточны для того, чтобы сдерживать рогушкоев, не переворачивая вверх дном устоявшийся уклад жизни!»

Этцвейн демонстративно отметил в записной книжке цветовой код негодичанта: «Если какой-либо из коммерческих вопросов привлечет ваше внимание прежде, чем будет сформировано и обучено способное к боевым действиям ополчение, вы потеряете голову. Война с рогушками – прежде всего! Я выражаюсь достаточно ясно?»

Лицо негодичанта помрачнело: «Трудно понять, каким образом...»

Этцвейн прервал его: «Даю вам ровно десять секунд на то, чтобы начать выполнение приказов Аноме. Такая формулировка поддается пониманию?»

Негодичант прикоснулся к ошейнику: «Целиком и полностью».

В кантоне Пособников Этцвейн столкнулся с тупиковым политическим конфликтом. Над горизонтом, на юго-востоке, уже виднелись первые вершины Хвана. Примерно на том же расстоянии с севера к кантону приближалась излучина залива Ракушечных Цветов. Главный арбитр Пособников жаловался: «Что делать – отправлять женщин на север или готовиться к приему женщин из предгорий? Куропатники говорят одно, яблочники⁷ другое. Куропатники хотят формировать ополчение из молодых людей, потому что старики лучше управляют с птицей. Яблочники требуют, чтобы вербовали пожилых – молодые руки нужны для сбора фруктов. Одному Аноме известно, что предпринять!»

«Набирайте молодых куропатников и пожилых яблочников, – посоветовал арбитру Этцвейн, – но действуйте расторопно и решительно! Если Аноме узнает о задержках, градом полетят головы и яблочников, и куропатников!»

В кантоне Теней, под самыми отрогами Хвана, рогушкоев знали и боялись. Неоднократно их небольшие банды видели в верховьях долин – теперь местные жители не смели там показываться. От набегов пострадали три небольших селения. Здесь Этцвейну не пришлось никого торопить. Множество женщин уже отправили на север, проводились учения ополченцев.

В сопровождении великого герцога Теней Этцвейн наблюдал за упражнениями двух подразделений, вооруженных кольями и шестами, имитировавшими мечи и копья. Рекруты тренировались на противоположных концах удлинённого овала Лантинской арены. Два отряда заметно отличались нарядами, рвением и навыками. Бойцы первой группы, в хорошо сшитых темно-фиолетовых и темно-красных униформах и в темно-зеленых кожаных сапогах, упорядоченно бросались в атаку и отступали, умели отражать удары и делать ложные выпады, ходили вперевалку и обменивались шутками, не переставая энергично дубасить друг друга. Ополченцы из другого отряда, в рабочих комбинезонах и сандалиях, двигались вяло, с про-

---

⁷ Куропатники и яблочники: враждующие фракции Пособников, представляющие, соответственно, птицеводов и поставщиков фруктов.

хладцей, и недовольно брюзжали. Этцвейн поинтересовался причиной такого группового раздвоения характеров.

«Наши правила еще не вполне определились, – отвечал великий герцог. – Многие из получивших призывные повестки отправили служить вместо себя крепостных должников, не проявляющих особой прыти. Не уверен в целесообразности такой системы. Может быть, состоятельные лица, не желающие вступать в ополчение, должны присылать двух должников, а не одного. Может быть, замену вольных рекрутов крепостными вообще следует запретить. Выдвигаются убедительные доводы в пользу обеих точек зрения».

Этцвейн сказал: «Оборона Шанта – привилегия свободных людей. Вступая в ополчение, крепостной автоматически погашает долг. Будьте так добры, разъясните это отряду должников – посмотрим, прибавится ли у них прыти».

Рельс воздушной дороги карабкался в Дебри. Теперь «Иридиксен» поднялся над кареткой на всю длину тросов – здесь, в предгорьях, чем выше летела гондола, тем сильнее и ровнее становился ветер. В Ангвине бурлаки перетаскивали «Иридиксен» бесконечным канатом над ущельем к Ангвинской развязке – затерявшейся в небе платформе, откуда Этцвейн когда-то сбежал при содействии (или, по меньшей мере, при попустительстве) Джерда Финнерака.

«Иридиксен» продолжал путь на юго-восток над самыми мрачными, непроходимыми пропастями и утесами. Казалло достал бинокль и рассматривал панораму Дебрей. Протянув руку, он указал вниз, в горную долину: «Вас беспокоят рогушкой? Смотрите – целое племя!»

Схватив бинокль, Этцвейн увидел множество почти неподвижных темных фигур – не меньше четырехсот. На таком расстоянии они выглядели маленькими, расплывчатыми. Часть стойбища окружал высокий плетень из колючего кустарника. Вниз по долине относил струйки дыма, поднимавшиеся над дюжиной огромных походных котлов. Пытаясь лучше разглядеть внутренний огороженный участок, Этцвейн понял, что бесформенные груды, казавшиеся кучами тряпья – группы жмущихся друг к другу женщин. Их было около сотни. В глубине коралля, под чем-то вроде навеса из сучьев и листьев, скорее всего, прятались другие... Рогушкой расположились порознь вокруг плетня. Каждый сидел на корточках, не обращая внимания на остальных. Одни чинили ремни, другие натирали тело жиром, подкладывая дрова в очаги под котлами. Никто, насколько мог заметить Этцвейн, даже не поднял голову, чтобы взглянуть на гондолу или на каретку, шумевшую по рельсу в полукилометре от стойбища. Долина скрылась за выступом скалы – «Иридиксен» спешил над каменной осыпью.

Этцвейн повесил бинокль на деревянный крючок: «Откуда у них сабли? Котлы тоже металлические – у нас такие ни за какие деньги не купишь».

Казалло хихикнул: «Драгоценные котлы – а варят в них траву, листья, черных червей, дохлых ахульфов – живых, впрочем, тоже – все, что могут запихнуть в глотку! Я частенько гляжу на них в бинокль».

«Они когда-нибудь интересуются гондолами? Пара рогушкоев могла бы разломать рельс за одну минуту».

«Рельсы они не трогают, – почесал в затылке Казалло. – Такое впечатление, что им дела нет до некоторых вещей, будто они не существуют. Когда рогушкой не ест и не совокупляется, он сидит на корточках – и все тут. Не знаю, что у них в голове. Может, они вообще не думают. Местный пассажир, горец, рассказывал, что прошел по тропе мимо двадцати рогушкоев, сидевших в тени. Я спрашиваю – они спали? Он говорит – нет. Даже не пытались его поймать. Общеизвестный факт – рогушкой не нападает на мужчину, если тот не защищает женщину и если рогушкой не голоден. Голодный рогушкой отправляет в котел все съедобное, а мужчины, с его точки зрения, очень даже съедобны».

«Была бы у нас бомба, сегодня мы могли бы уничтожить пятьсот рогушкоев», – заметил Этцвейн.

«Не слишком удачная мысль, – отозвался Казалло, считавший своим долгом критиковать или опровергать любое мнение Этцвейна. – Если с гондол начнут бросать бомбы, рогушкой догадаются разломать рельсы».

«Можно бомбить с гондол, не привязанных к кареткам».

«Как вы себе это представляете? Бомба падает прямо вниз, а в свободном полете управлять парусом так, чтобы гондола оказалась точно над стойбищем, очень трудно. Если бы на гондолах стояли двигатели, другое дело – но из прутьев и стекла не смастеришь двигатель, даже если кто-нибудь сохранил древние чертежи».

Этцвейн сказал: «Парусная гондола неповоротлива, зато планер хорошо маневрирует».

«С другой стороны, – не сдавался Казалло, – планер должен рано или поздно приземлиться, тогда как гондола всегда может подняться на безопасную высоту».

«Я говорю об уничтожении рогушкоев, а не об организации приятных и безопасных воздушных экскурсий!» – отрезал Этцвейн.

Казалло только рассмеялся и отправился в рубку поиграть на хитане – ветровой очень гордился достижениями в этой области.

Они летели в самой глубине Дебрей. Всюду горбились в небе серые скальные хребты. Пазовый рельс круто поворачивал вверх, направо, налево, вниз – в зависимости от частых изменений рельефа. Перепады высоты вызывали тряску, килевую качку, неприятные ускорения. Крутые повороты в горизонтальной плоскости требовали от ветрового постоянной коррекции положения паруса и длины тросов. По возможности, пазовый рельс прокладывали перпендикулярно направлению преобладающих ветров, чтобы обеспечивалась возможность двухстороннего движения. В горах, однако, ветры то и дело менялись, налетая неожиданными порывами со всех сторон, в том числе навстречу, время от времени точно вдоль пазового рельса. В таких случаях ветровому приходилось поворачивать парус круто к ветру, наклонять гондолу и подтягивать ее вниз, к самому рельсу, чтобы свести к минимуму воздействие встречной составляющей соотношения сил. Если ситуация ухудшалась, он натягивал тормозной трос, прижимая ролики ходовой тележки к боковой поверхности паза. В худшем случае, когда с ревом и свистом налетали штормовые встречные шквалы, ветровой просто отказывался от попыток дальнейшего продвижения вперед и дрейфовал обратно к предыдущей станции или к ближайшему разъезду.

Ураган настиг гондолу «Иридиксен» над цирком Консейль – огромной заснеженной вулканической впадиной, где скрывались истоки Сумрачной реки. С утра розовато-сиреневая дымка затянула южную половину неба. Высоко на востоке сотнями полос раскинулся веер перистых облаков – за ними, подсвечивая веер розовыми, белыми и голубыми разводами, кружились и подмигивали три солнца. Казалло предсказал шторм незадолго до того, как налетели первые порывы. Ветровой пользовался всеми хитростями, известными в его профессии – приводил парус к ветру, подтягивал и травил тросы, тормозил, описывая гондолой широкую дугу и отпуская тормоз точно в тот момент, когда инерция позволяла выиграть у ветра несколько метров. Рельс поворачивал в полутора километрах впереди, и Казалло пытался во что бы то ни стало туда добраться. В трехстах метрах до поворота, однако, остов «Иридиксена» застонал и затрещал – погода разыгралась не на шутку. Казалло высвободил тормоз, поставил парус по ветру, и гондолу понесло обратно над котловиной древнего вулкана.

На разъезде Консейль станционная бригада спустила гондолу и закрепила ее сетью. Казалло и Этцвейн провели ночь на станции, защищенной высокой каменной стеной с угловыми башнями. Скучающие служащие воздушной дороги охотно отвечали на вопросы и сообщали, что рогушкоев в округе видели часто. Суперинтендант отметил, что за последние месяцы численность банд поразительно увеличилась: «Раньше попадались шайки по два, от силы по три десятка рогушкоев. Теперь они бродят стадами по двести-триста тварей и временами окружают станционную крепость. Напали только однажды, когда здесь пережидали

шторм монахини из Верна. Сначала вокруг вроде бы никого не было, а потом, как из-под земли, на стены полезли триста рогушкоев. Но мы приготовились – все подходы к станции защищены вкопанными фугасами в несколько рядов. Каждый взрыв выводил из строя по две дюжины рогушкоев – осталось около сотни трупов. На следующий день мы побыстрее затолкали монахинь в гондолу и отправили восвояси. С тех пор все спокойно. Пойдемте, я вам что-то покажу».

В углу под крепостной стеной служащие соорудили клетку из кольев железного дерева. В просветы между кольями выглядывала пара небольших медно-красных существ: «Их поймали на прошлой неделе – рылись в отбросах. Мы подвесили сеть и подложили приманку. Трое разорвали сеть и сбежали, а двое запутались. Сильные черти – каждого пришлось нести вчетвером».

Этцвейн внимательно рассмотрел двух детенышей, бессмысленно паливших большие черные глаза. Новая порода людей? Генетическая модификация? Искусственно выращенные организмы, чуждые всему живому на Дердейне? Такие вопросы задавались часто, но никто еще не дал удовлетворительного ответа. Скелет рогушкоев мало отличался от человеческого, хотя бросалась в глаза упрощенная структура ступней, кистей и грудной клетки. Этцвейн спросил суперинтенданта: «Они смирные?»

«Как же! Просуньте палец в клетку – мигом откусят!»

«Они говорят? Вообще, производят какие-нибудь звуки?»

«По ночам скулят и стонут, днем молчат. Человеческого в них мало – звери, даже не дикари! Пора бы их прикончить, а то еще придумают какую-нибудь мерзость».

«Нет-нет, стерегите их хорошенько – Аноме приказал изучать рогушкоев. Может быть, мы все-таки научимся их контролировать».

Суперинтендант с сомнением взирал на меднокожих бесов: «Все возможно, конечно».

«Как только я вернусь в Гарвий, за ними пошлют – вам, разумеется, хорошо заплатят за их содержание».

«Очень любезно с вашей стороны. Надеюсь, они не сбегут. Только они растут, как на дрожжах – того и гляди, клетку разломают».

«Укрепите клетку. Не бейте их, но постарайтесь научить их выполнять пару простейших команд».

«Попробуем».

Вниз летел «Иридиксен» – над предгорьями Дебрей, над великолепными лесами кантона Верн. На какое-то время ветер полностью затих. Чтобы развлечься, Этцвейн наблюдал в бинокль за лесными птицами – воздушными анемонами, порхающими, как поплавки в море листвы, светло-зелеными мелькунами, черноголовыми сиреневыми драконохвостами. К вечеру внезапно поднялся ветер – «Иридиксен» снова понесся над рельсом, спускавшимся к Пельмонту, где была развязка.

В Пельмонте вода из реки Фахалюстры, отведенная в узкие искусственные каналы, приводила в движение оборудование шести огромных лесопилок. Бревна, сплавленные по Фахалюстре из лесных предгорий, обдирали, оторцовывали и разрезали на доски драгоценными пилами из спеченных железных кружев. На открытых складских площадках сушились штабели досок. Выдержанное дерево обстругивали, пропитывали маслами, красителями, ароматическими мазями и нагружали на баржи или резали, изготавливая фигурные полуфабрикаты. Этцвейн дважды бывал в Пельмонте с «Розово-черно-лазурно-глубокозеленой бандой». Ему нравилось вездесущее в этих местах благоухание свежераспиленных досок, смолы, олифы и копоты.

Главный управляющий кантона откровенно обрадовался прибытию Этцвейна. Лесорубы Северного Верна хорошо знали рогушкоев. Много лет они выставляли сторожевые посты

по берегам Фахалюстры, отражая десятки вылазок с помощью арбалетов и пик – в лесу, по сравнению с метательными ятаганами рогушкоев, это оружие давало определенные преимущества.

В последнее время рогушкой нападали по ночам, большими бандами. Вернским патрулям приходилось отступать от берегов реки, что приводило к простоям лесопилок и беспорядкам в кантоне. Нигде еще в Шанте Этцвейн не наблюдал такого рвения. Женщин отправили на южный берег, ополчение проводило ежедневные учения. «Передайте Аноме: пусть срочно пришлет оружие! – волновался главный управляющий. – Пики и арбалеты на открытой местности бесполезны, нужны взрывные стрелы, ослепляющие прожекторы, генераторы лучей смерти, новые, ужасные средства уничтожения – чем страшнее, тем лучше! Аноме всемогущ и гениален – пусть придумает и даст нам оружие».

Этцвейн не нашелся, что сказать. В той мере, в какой титул «Аноме» еще имел какой-то смысл, Аноме был он, Гастель Этцвейн – человек вовсе не всемогущий и не гениальный. Что сказать отважным людям? Их нельзя обманывать, они заслуживают правды. Этцвейн ответил: «Оружия нет. В Гарвии лучшие техники Шанта работают не покладая рук. Оружие нужно спроектировать, испытать, изготовить. Аноме делает все, что может, но он не всемогущ».

Главный управляющий, долговязый выходец из семьи лесорубов с некрасивым обветренным лицом, возмутился: «Почему так поздно? О рогушках он знал давным-давно – и за все это время не приготовился к обороне?»

«Аноме надеялся на мирное решение проблемы, – сказал Этцвейн. – Вел переговоры, пытался сдержать распространение банд. Но рогушкой, конечно, не понимают просьбы и предупреждений».

«Чтобы об этом догадаться, не нужно быть семи пядей во лбу! Кто угодно сообразил бы, что к чему, после первого же набега. Теперь мы должны драться, а драться нечем! Аноме, чем бы ни объяснялось его опоздание – изнеженностью, нерешительностью, трусостью – Аноме нас предал! Можете так ему и передать, пусть оторвет мне голову! Лучше взорваться на месте, чем вариться в котле рогушкоев».

Этцвейн кивнул: «Прямота делает вам честь. Скажу по секрету: Аноме, усердно пытавшийся мириться с рогушками, смещен. Его полномочия возложены на другого человека, вынужденного делать все сразу. Ваши замечания совершенно справедливы».

«Рад слышать! – заявил управляющий. – Тем не менее, что нам делать здесь и сейчас? У нас опытные, выносливые бойцы, разъяренные до крайности. Но рогушкоев не возьмешь голыми руками. Нужно что-то придумать, что-то предпринять немедленно».

«Рогушка можно убить из арбалета. У вас есть оборудование и материалы – делайте мощные, дальнобойные арбалеты», – посоветовал Этцвейн. Он вспомнил стойбище рогушкоев в Хванских горах: «Постройте планеры – на одного, двух, шестерых человек. Обучите пилотов. Пошлите людей в кантон Ведьминой горы и в Азум, потребуйте лучшие планеры. Разберите их, используйте детали в качестве шаблонов. За холстом и пленкой пошлите в Хинте, в Марестий, в Багровый Каньон. Требуйте именем Аноме самый высококачественный материал! Лучшие веревки и тросы делают в Катрии, фриллийские тоже хороши. Феррийцам придется установить дополнительные реакторы и поступиться секретами, чтобы обучить новый персонал: железа нужно как можно больше. Пользуйтесь всеми ресурсами Шанта – такова воля Аноме».

Из Пельмонта «Иридиксен» быстро долетел до Лютэ, а из Лютэ в Блик над рекой Альфеис – пассажирская баржа буксировала гондолу навстречу морскому бризу. Обратно из Блика в Лютэ «Иридиксен» летел своим ходом, привязанный тросами к рыбацкой лодке с длинным килем, направлявшей гондолу против течения Альфеиса подобно ходовой тележке в рельсовом пазу. Вернувшись в Лютэ, Этцвейн отправился в энтерландский порт Око Востока, где взошел на борт пассажирского парусника, отплывавшего к Утреннему берегу, в Ильвий. Фак-

тически Утренний берег относился к территории, порученной Ауну Шарраку. Этцвейн, тем не менее, хотел воочию удостовериться в добросовестности главного дискриминатора.

Из Ильвия Этцвейн вернулся морем в Око Востока. Между этими городами воздушного сообщения не было. Давно планировалась также ветка, напрямую связывавшая Брасеи в Эльфине с Масчейном в Массеахе, но проект остался на бумаге. В каждом случае кратчайшее расстояние между городами составляло чуть больше трехсот километров – но длина трассы, проложенной с учетом преобладающих ветров, превышала бы две с половиной тысячи километров. Еще одну, кольцевую ветку, следовало протянуть от Брасей на запад через кантоны Язычников и Ирреале, потом в Фергаз на севере Гитанеска, после чего на юго-восток, через Фенеск в Гарвий. Изолированные кантоны Хавиоск, Фордум и Парфе пока не слишком нуждались в воздушном дорожном обслуживании, но разве не следовало думать о будущем? Этцвейн пометил в записной книжке: «Закончить строительство недостающих участков воздушной дороги – в кратчайшие сроки!»

Из Ока Востока «Иридиксен» вернулся в Пельмонт, откуда направился по главной южной магистрали в дикие кантоны, граничившие с Большой Соленой топью. В каждом кантоне Этцвейн находил особую ситуацию, особые представления. В Дифибеле женщинам принадлежали все лавки, склады и мастерские. Они наотрез отказывались покидать предгорья, будучи совершенно уверены в том, что в их отсутствие мужчины растащат запасы. В городе Хованна Этцвейн, охрипший от гнева, кричал: «Вы хотите, чтобы вас насильовали? Вы понимаете, что вас ждет?»

«Изнасилование можно перетерпеть, а потерянный товар не вернешь, – возражала предстоятельница Совета Матриархов. – Ничего, не беспокойтесь! Наши орудия устрашения отпугнут кого угодно». Она лукаво уклонилась, однако, от требования назвать «орудия устрашения», лишь намекнув, что «негодники проклянут тот день, когда покусились на наше добро. Воры, например, останутся без пальцев!»

В кантоне Буражеск Этцвейн столкнулся с сектантами-пацифистами, аглюстидами, носившими только одежды, изготовленные из собственных волос – по их утверждению, естественные и органические, то есть не причиняющие ущерба другим живым существам. Аглюстиды поклонялись всем аспектам жизненной силы и не употребляли в пищу ни плоти животных, ни растительных семян, зерен или орехов, а фрукты ели только после того, как сажали найденные в них семена и предоставляли им возможность прорасти. Аглюстиды считали, что рогушкой, более плодovитые, чем люди, больше способствовали процветанию и распространению жизни, в связи с чем вымещение человеческой популяции популяцией рогушкоев было предпочтительно. Они призывали к пассивному сопротивлению «войне, развязанной Аноме». «Аноме хочет войны – пусть воюет сам!» – был их девиз. В одеждах из сваливавшихся человеческих волос они дефилировали по улицам Манфреда, выкрикивая лозунги, распевая песни и улюлюкая.

Этцвейн не знал, как с ними поступить. Промедление не вязалось с его характером. Что, однако, можно было сделать? Оторвать головы тысячам голодных, грязных оборванцев? Немыслимо. С другой стороны, почему пацифистам позволительно уклоняться от выполнения долга, когда гораздо лучшие люди погибают, их защищая?

В конце концов Этцвейн развел руками, с отвращением плюнул – и отправился в Шкер, где опять обнаружил ситуацию новую и достойную удивления, хотя и напоминавшую чем-то царивший в соседнем Буражеске апофеоз идиотизма. Жители Шкера были дьяволистами, то есть поклонялись пантеону демонов «голь-се». Дьяволисты придерживались хитроумного пессимистического космологического учения. Основные заповеди его выражались следующим силлогизмом:

«Зло преобладает всюду на Дердейне. Очевидно, что „голь-се“ сильнее противостоящих им духов добра. Следовательно, простейшая логика требует умиловивления и прославления демонов».

Рогушкые дьяволисты почитали в качестве воплощений «голь-се». Этцвейн, прибывший в административный центр Банилли, узнал, что указы Аноме здесь не выполнялись – даже не публиковались. Глава местных органов самоуправления, Шкерский Вий, изъяснялся фаталистически скорбным тоном: «Пусть Аноме оторвет нам головы – что поделаешь? Все равно мы не вправе противостоять существам, столь превосходящим нас в порочности и жестокости. Наши женщины уходят к ним добровольно. Мы предлагаем им пищу и вино, мы не оказываем сопротивления их внушающему ужас величю».

«Я положу этому конец!» – заявил Этцвейн.

«Никогда! Таков закон нашей жизни. Мы не можем жертвовать вечностью ради каких-то прихотей, противоречащих здравому смыслу!»

Снова Этцвейн помотал головой в замешательстве – и отправился в кантон Глай, не слишком развитый и населенный в основном диковатыми малограмотными людьми. Здешние отроги Хвана были практически безлюдны – в предгорьях прозябали несколько феодальных кланов, даже не подозревавших об инструкциях Аноме. Их взаимоотношения с рогушкыми в принципе устраивали Этцвейна. Одни других стоили: глайские горцы постоянно устраивали засады на одиноких рогушкых, чтобы добыть драгоценные металлические палицы и ятаганы.

Явившись в столицу кантона, Оргалу, Этцвейн обратился к трем верховным судьям, упрекая их за невыполнение указа о созыве ополчения. Судьи только рассмеялись: «Когда вам понадобится отряд опытных бойцов, сообщите – мы его сформируем за два часа. А пока не получены конкретные приказы и новое оружие, зачем себя утруждать? Кроме того, чрезвычайное положение могут отменить».

Этцвейн не мог ничего возразить – точка зрения судей по-своему была логична. «Хорошо, – сказал он. – Будьте готовы, однако, выполнить обещание по первому требованию. Кстати, где находится исправительное учреждение управления воздушной дороги, лагерь №3?»

Судьи насторожились: «Зачем вам понадобился лагерь №3?»

«Приказ Аноме – обсуждению не подлежит».

Судьи переглянулись, пожали плечами: «Лагерь №3 – в сорока километрах по дороге на юг, к Соленой топи. Вы собираетесь воспользоваться своей роскошной гондолой?»

«Разумеется. По-вашему, я должен идти пешком?»

«Видите ли, в таком случае вам придется нанять тягловых быстроходцев – вдоль южной дороги нет пазового рельса».

Часом позже Казалло и Этцвейн отправились в «Иридиксене» на юг. Тросы гондолы закрепили на концах длинного тяжелого шеста, противодействовавшего подъемной силе паруса. Один конец шеста соединили с упряжью на спинах двух быстроходцев, другой поддерживала пара легких колес с перекладиной и сиденьем погонщика. Быстроходцы двинулись по дороге резвой рысцей. Казалло регулировал форму и положение паруса так, чтобы животным приходилось прилагать минимальные усилия. Полет в упряжке заметно отличался от движения гондолы, подгоняемой ветром – ритмичное подрагивание тягловых тросов передавалось корпусу.

Этцвейн ощущал необычные толчки... и нарастающее напряжение – чувство вины? Ничто, по существу, не мешало ему явиться в лагерь №3 гораздо раньше. Это соображение привело Этцвейна в раздраженное, подавленное состояние. Легкомысленный Казалло, не озабоченный ничем, кроме поиска простейших способов развеять скуку, достал хитан. Убежден-

ный в своем мастерстве и в том, что оно вызывает у Этцвейна завистливое восхищение, ветровой пытался сыграть мазурку из классического репертуара, известную Этцвейну в двенадцати вариантах. Казалло исполнял мелодию неуклюже, но старательно и почти без ошибок. Тем не менее, в одной из модуляций он непременно брал неправильный аккорд. Этцвейн, наливавшийся желчью после каждого повторения фальшивой гармонии, не вытерпел: «Это невозможно, в конце концов! Если тебе невтерпеж брэнчать, по крайней мере выучи аккорды!»

Казалло насмешливо поднял брови: «Друг мой, эта пьеса – „Огненные подсолнечники“ – традиционно исполняется именно так. Боюсь, у вас плохой слух».

«В общем и в целом мелодию можно распознать, хотя я неоднократно слышал ее в правильном исполнении».

Казалло лениво протянул хитан: «Будьте добры, наставьте меня на путь истинный. Я буду чрезвычайно признателен».

Этцвейн схватил инструмент, чуть ослабил высоко настроенную струну большого пальца⁸ и сыграл мазурку правильно – пожалуй, с излишней показной легкостью. В первой вариации он присовокупил изящные беглые украшения, во второй сыграл тему в обратном движении, ракоходом, аккомпанируя совсем в другом ладу, после чего, вернувшись к первоначальной последовательности, исполнил блестящую импровизацию взволнованным быстрым стаккато, более или менее согласовавшимся с его настроением, продолжая контрапунктически повторять основную тему в других голосах на манер ричеркара. Завершив пьесу виртуозной каденцией с добавлением невозможных пассажей пиццикато пальцами левой руки и сложно синкопированных ритмов гремушки, Этцвейн отдал хитан уничтоженному Казалло: «Примерно в этом роде. Под конец я позволил себе пару вольностей».

Казалло перевел взгляд с Этцвейна на хитан, молча, с подчеркнутой аккуратностью повесил инструмент на деревянный крючок и пошел смазывать лебедки. Этцвейн повернулся к панораме, открывавшейся за бортом.

Пейзаж стал диким, почти враждебным: в зеленом море пилы-травы выделялись островки черно-белых тропических зарослей. Чем дальше они продвигались на юг, тем плотнее и темнее становились джунгли. Среди пилы-травы стали попадаться гниющие заболоченные участки, в конце концов сменившиеся напоминающими сугробы скоплениями синевато-белой падающей грибницы. Впереди тускло блестела сонная излучина реки Бренай. Дорога слегка отклонилась к западу, поднимаясь к развалу крошащихся темно-серых вулканических скал, извилисто протиснулась в распадке между скалами и обогнула огромное поле заросших развалин – город Матрис, две тысячи лет тому назад осажденный и разрушенный паласедрийцами, а теперь населенный лишь огромными иссиня-черными ахульфами Южного Глая, осквернявшими руины внушавшей смех и ужас дикой пародией на человеческую городскую жизнь. В низине за развалинами Матриса начиналось болото, казавшееся издали миражом тысяч маленьких озер – здесь росли самые развесистые ивы Шанта, купами по десять-двенадцать метров высотой. Работники из лагеря №3 срезали, обдирали и сушили прутья ивняка. Вязанки нагружали на баржи и сплавляли по реке Бренай в Порт-Палас на южном берегу, откуда шхуны доставляли их в Сиреневую Дельту на предприятия, изготавливавшие гондолы.

Далеко впереди появилось темное пятно. Приложив к глазам бинокль, Этцвейн понял, что это и был исправительный лагерь №3. За семиметровым частоколом он разглядел центральный двор, ряд навесов и длинный двухэтажный барак. Левее находились приземистые административные здания и группа небольших коттеджей.

---

⁸ Названия пяти основных струн хитана соответствуют наименованиям пальцев правой руки – «струна большого пальца», «струна указательного пальца» и т. д.; происхождение названий четырех вспомогательных струн («джа», «ка», «си», «ля») неизвестно.

Дорога разветвлялась – упряжка быстроходцев повернула к управлению лагерной администрации. Несколько человек вышли навстречу и, перекинувшись парой слов с погонщиком, подтянули тросы гондолы шкивами, вращавшимися в рогатых бетонных тумбах. Быстроходцы, шагом пройдя вперед, опустили «Иридиксен» на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.